

18+

Ирина Ковальчук

Тень зиккурата

Ирина Ковальчук

Тень зиккурата

«Издательские решения»

Ковальчук И.

Тень зиккурата / И. Ковальчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834157-1

Годы перестройки ворвались в нашу жизнь под энергичный ритм песни о Вавилоне в исполнении группы «Бони М». И вряд ли кто из любителей дискотек понимал тогда, что танцует под один из самых печальных библейских псалмов о потерявшем Сион плененном еврейском народе. Этот переворот смыслов продолжается и по сей день. Современная жизнь подобна блужданию по хитросплетениям лабиринта, черные стены которого кажутся белыми. И Вавилон сегодня ближе к каждому из нас, чем когда бы то ни было...

ISBN 978-5-44-834157-1

© Ковальчук И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Ночной звонок	6
Глава 2. Сыны погибели	10
Глава 3. Поединок	17
Глава 4. Теремок	24
Глава 5. Дом Мадонны	29
Глава 6. Маленький принц	34
Глава 7. Угол Надежды	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тень зиккурата

Ирина Ковальчук

Иллюстратор Кира Скрипниченко

© Ирина Ковальчук, 2020

© Кира Скрипниченко, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4483-4157-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Ночной звонок

Ваня откинулся на спинку стула и повернул голову к окну. Было уже за полночь.

«Ночь тонкой змейкой вползла в щель между шторами, – подумал он по привычке студента сценарного факультета ВГИКа подбирать образы.

Принтер, озабоченно пыхтя, усердно выплевывал отправленные на печать материалы о древнем Вавилоне, на поиск которых ушел целый вечер. Им суждено было превратиться в очерк на заданную тему и, если повезет, в нечто большее. У перегруженного учебой и работой студента никогда не хватало времени на то, чтобы порыться в этой покрытой пылью веков «ветоши», а она того стоила.

Ваня подошел к дивану, чтобы приготовиться ко сну, но перед его мысленным взором уже стояли мощные стены Вавилона, недоступные не только для врагов, но и для окружавшей город пустыни – вечнозеленые Сады Семирамиды свысока поглядывали на унылое царство желтых песков. Чтобы тоскующая в знойной Вавилонии возлюбленная царя могла наслаждаться свежестью фонтанов и ручьев, сотни невидимых тощих рабов с выбритыми ото лба до темени головами вращали специальное колесо, изнемогая от жары и усталости. Ваня вглядывался в благоухающие ароматами диковинные цветы, пытаясь представить себе возлюбленную царя. Мгновение – и статная фигура черноволосой красавицы, завернутая в длинное полотно поверх туники, появилась на вымощенной розовым и белым камнем лестнице.

Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей, – пришли на память строки из «Песни песней» премудрого Соломона.

Ваня улыбнулся и посмотрел на фотографию мамы, стоявшую у него на столе в деревянной рамке. На ней не было ни ожерельев, ни каких-либо украшений: простая кофточка, волосы гладко зачесаны, прямой спокойный взгляд, но как этот образ был дорог его сердцу! Сколько слез пролили эти красивые серые глаза, когда он, ее единственный сын, пленившись злом, обернутым в блестящий фантик, чуть не расстался с жизнью! Мама была для него всем: кормилицей, другом, защитницей, собеседником, советчиком. Она была для него солнышком, излучающим свет и тепло.

Ваня вспомнил своего друга детства Пашку, которого развод родителей лишил материнского тепла. Папа, конечно, заботился о сыне, не жалея денег, но Пашка страдал. Он конфликтовал с женщиной, с которой сожительствовал отец, хоть она и пыталась создать в доме уют. Заменить Пашке мать тетя Оля не могла, и он бунтовал.

Сейчас их пути разошлись – Пашка пошел по пути вседозволенности. Его детский бунт перерос в юношеское «не надо меня учить», поэтому дальше дежурных фраз общение школьных друзей не шло.

Принтер тяжело ухнул в последний раз и затих. Ваня подошел к столу, постучал распечатанными листами по столу, выравнивая увесистую стопку бумаги, и положил «багаж для размышлений» в лоток, где уже лежала взятая в библиотеке книга «Величие Вавилона»¹ и недавно прочитанная «Бумагия» Юрия Воробьевского.

«На сегодня хватит, – подумал Ваня вслух. – Теперь есть над чем поразмыслить».

Было без четверти час. Кратко помолвившись, хорошо потрудившийся студент забрался под еще прохладное одеяло, перебирая в памяти планы на предстоящий день.

«Завтра нужно не забыть позвонить Насте...» – На этом месте путающиеся мысли оборвались, и Ваня погрузился в недолгое небытие, потому что около двух ночи прозвенел телефонный звонок.

¹ Книга Генри Сагса

– Ванька, ты прости, что я так поздно, – в трубке раздался знакомый с детства голос. – Мне помощь нужна.

– Пашка, а ты до утра подождать не мог? – спросил Ваня, не скрывая недовольства.

– Да если бы я мог... – голос в трубке был сильно взволнован.

– Ну, что там у тебя стряслось? – Ваня силился проснуться.

– Меня так глючит, что просто мозг сносит!

– Чего, чего? – не понял Ваня.

– Глюки зашкаливают, вот чего! – раздраженно ответил Пашка.

– А ты что, грибов объелся?

– Да нет, таблетку глотнул. Я и раньше этим баловался, но такого, как от *этой*, у меня никогда еще не было!

– А что с тобой происходит? – поинтересовался Ваня.

– Мне страшно! Чё только не мерещится, а хуже всего эти красные дельфины!

– Красные дельфины? – Ваня силился что-то вспомнить. – Слушай, а я когда-то видел ролик о чем-то подобном на Ю-тубе, – воскликнул он.

– Та пошел ты со своим Ю-тубом! – разозлился Пашка. – Тут мозг плавится, а ты...

– А чем же я могу тебе помочь? – спросил Ваня.

– Ну, помолись за меня, а то у меня крыша съедет!

– Помолиться? – От удивления Ваня окончательно проснулся. – Ну, я попробую, конечно, только сомневаюсь, что тебе это поможет.

– Но тебе же помогает! Сам ведь говорил!

– Если я не ошибаюсь, то говорил я тебе об этом лет так шесть назад.

– А у меня память хорошая, – буркнул в ответ Пашка и тут же взмолился: – Плохо мне, слышишь, помоги!

– А с чего у тебя эти дельфины начались? – спросил Ваня.

– Да с двери этой проклятой! Помнишь, ты мне когда-то рассказывал про зеленую дверь?

– Это из рассказа Уэллса², что ли?

– Да, что-то вроде этого. – Голос в трубке замолчал, и Ваня услышал учащенное дыхание, а затем тяжелый стон.

– Эй, это *ты* стонешь? – осторожно спросил он.

– Слышь, я не хотел в эту клятую дверь заходить! – закричал Пашка. – Мне она и раньше неоднократно являлась!

– А она тоже зеленая?

– Да нет, железная какая-то! Меня мудрец бородатый в нее зайти приглашал. А я-то хорошо запомнил, как того англичанина еще ребенком заманили, красоту райскую показали, чтобы он всю оставшуюся жизнь о ней бредил, а потом в строительный ров кинули! Я бы ни за что в дверь эту не вошел, да меня красные дельфины в нее затолкали, а там такие страхи, что мама родная, помоги!

– Слышь, я помолюсь, – сочувственно сказал Ваня, – а ты повторяй, не переставая: «Господи, помилуй!»

– Ой, вот это так стены! И львы разъяренные! А это что? Драконы какие-то рогатые... Ванька, помоги! – неожиданно закричал Пашка, и в трубке раздалась короткая гудка.

Ваня еще какое-то время крутил в руках плачущую трубку, как если бы она могла что-нибудь добавить к прерванному разговору, потом, подойдя к иконам, затеплил лампадку и, перекрестившись, сделал земной поклон.

– Господи, помилуй душу заблудшего Павла и помоги ему успокоиться, – сказал он, и, не вставая с колен, начал медленно читать девяностый псалом «Живый в помощи Вышнего».

² Г. Уэллс «Зеленая дверь».

Но, как Ваня ни старался сосредоточиться, молитва не шла: мысль, усилием воли направляемая в русло оградительного псалма, неизменно упиралась то в железную Пашкину, то в зеленую Уэллсовскую дверь.

Увлечение мистикой и разного рода оккультными практиками было модно среди богемы девятнадцатого и двадцатого веков, и, скорее всего, Уэллс отобразил в своем рассказе опыт кого-нибудь из знакомых. Ваня много думал над этой историей и поэтому рассказывал ее и Пашке, на которого, как тогда казалось, она не произвела особого впечатления.

«Как же здорово мы дружили до моей клинической смерти! – вспомнил Ваня и улыбнулся. – А теперь вот весельчак и выдумщик Пашка глотает галлюциногенные таблетки в поисках острых ощущений и упирается в ту самую дверь, за которой нашел сначала райские сады, а потом бессмысленную смерть герой рассказа Герберта Уэллса».

Однажды в монастыре Ване дали книгу, где упоминалось об особо сложной форме медитации под названием «Вхождение в сады Эдема», что означало наивысшую степень общения с миром демонов. Для многих, практикующих эту медитацию, «вхождение» имело самые трагические последствия, вплоть до помешательства и смерти.

«Хорошо, что Пашку за его железной дверью не встретили нежно светящиеся краски и опьяняющий ощущением счастья воздух прекрасного мира, как это произошло с героем рассказа. Может, хоть теперь ему перехочется играть с огнем?» – подумал Ваня, с усилием возвращаясь к церковно-славянским словам молитвы: *Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему. Яко ангелом своим заповесть о тебе сохранили ты во всех путех твоих...*»

«А что же это за красные дельфины атаковали бедную Пашкину душу? – Ваня даже не заметил, как блуждающая мысль снова направилась в сторону от спасительных слов псалма Давидова. – Очень напоминает случай, произошедший в Персидском заливе где-то в конце 2010 года, когда после землетрясения в три балла, продолжавшегося две недели подряд, на берегу нашли стаю, в буквальном смысле слова, поджаренных заживо дельфинов, а на горизонте наблюдалось торнадо, вокруг которого море выглядело ярко красным».

– Вот тебе и красные дельфины, – горько вздохнул Ваня и, снова опомнившись, продолжил: *На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия...* – А вот и львы со змеями и драконами!» – осенило Ваню, и он снова отвлекся от молитвы.

«Страшная дорога с львами и драконами, – вспомнил он Пашкины слова и вскочил на ноги: – Так это видение, похоже, тоже из региона Персидского залива!»

Ваню так взволновало сделанное им предположение, что он уже ни о чем другом думать не мог. Наспех дочитав заключительные слова псалма, он бросился к письменному столу и стал перебирать распечатанные ранее листы, повторяя «Господи, помилуй!»

Нужный лист наконец-то оказался в его руках.

– Это же надо, как похоже! – воскликнул он, рассматривая фото. – Просто уму непостижимо!

«Дорога процессий», по которой с большой помпой, сидя на носилках под сенью роскошного зонта, символа царской власти, вавилонский правитель следовал от берегов Евфрата, была обрамлена семиметровыми стенами. Сначала торжественное шествие проходило через Большие ворота, потом через ворота богини Иштар, и дальше – вдоль царского дворца к святилищу бога Мардука – покровителя «золотого города», построенного в виде усеченной многоступенчатой башни, называемой «зиккурат».

Но дорога эта имела и другое название – «Дорога смерти», так как была и ловушкой для врагов.

– Вот они, Пашкины разъяренные львы! – не переставал удивляться Ваня. – Это были ярко-желтые барельефы на холодном синем фоне глазурованной плитки, а рядом с ними – сируши, крылатые, покрытые чешуей однорогие драконы с синими или змеиными голо-

вами. Скалившие пасти с длинными раздвоенными языками, эти тотемные животные навели на людей ужас.

«Бедный Пашка, – подумал Ваня. – Но почему у него „глюки“ на мою тему? Воистину говорят: „Пути Господни не исповедимы!“ Боже, успокой твоего неразумного раба Павла и верни его на родную улицу Метростроевцев».

Положив прочитанный лист на место, он медленно пошел к кровати и отключился, как только его светлая голова коснулась подушки. А грешный город, «краса царств и гордость халдеев», снова ушел в небытие во исполнение пророчества Иеремии: *...ибо исполняются над Вавилоном намерения Господа сделать землю Вавилонскую пустынею без жителей.*

Глава 2. Сыны погибели

На следующий день, когда Ваня возвращался домой после занятий, у него было единственное желание: поскорее добраться до постели и вздремнуть. Решив сократить путь, он пошёл через скверик, но не по центральной аллее, а по выложенной камешками дорожке, ведущей прямо к нужному ему боковому выходу, но, не пройдя и десяти метров, он услышал возню в кустах.

Несколько мальчишек лет четырнадцати на вид возбужденно разговаривали, усиленно жестикулируя. Подойдя ближе, Ваня увидел на траве лежащего с закрытыми глазами подростка, на бледном лице которого не было и кровинки.

– Что с ним? – спросил Ваня.

– Да слабак оказался, – ответил высокий худощавый парень в кожаной куртке и джинсах с дырками. – Мы тут собачий кайф ловили, а этот сознание потерял и в себя не приходит.

– Что еще за «кайф» такой? – удивился Ваня.

– Да это прикол. Дышишь быстро-быстро по-собачьи, а потом тебе или на грудь давят или горло шарфом перетягивают, ну, ты и улетаешь.

– Куда улетаешь?

– Да ты чё, из леса вышел? – вскипел Длинный. – Улетаешь – значит, кайф ловишь. Поэтому этот прикол «собачим кайфом» и называется.

– А прикол тогда в чем?

– Ну, у всех улетающих или глаза быстро-быстро дергаются или тело в конвульсиях бьется. Ухохочешься! А этот подрывался и лежит теперь, как колода.

Ваня нагнулся и взял пострадавшего за руку.

– Сердце еле бьется, – сказал он. – Нужно «скорую» вызывать. Звони, давай. – Достав из кармана куртки мобильник, он протянул его «специалисту по кайфам». – А ты, – кивнул он головой невысокому веснушчатому паренюку, – бегом за нашатырем в аптечный киоск в переходе. Вот тебе деньги. Только быстро: одна нога там, другая – здесь.

Присев возле потерявшего сознание парня, он несколько раз сильно хлопнул ладонью по его щекам.

Парень простонал, но глаза не открыл.

– Нужно позвонить его родителям, – сказал Ваня, не сводя глаз с мертвенно бледного лица.

– А у него мобильник должен быть в кармане брюк, – ответил кто-то, стоявший у Вани за спиной.

– Нашли еще место для мобильника! Без потомков остаться хотите?

– На, сам со «скорой» разговаривай, – «специалист по кайфам» протянул руку с Ваниным мобильным. – А мне вообще-то домой пора.

– Стой, я тебе сказал! – крикнул Ваня, но окрик на парня не подействовал.

Махнув рукой, он поспешно покинул место происшествия, и его примеру последовало еще двое ребят.

– Скорая? – переспросил Ваня в трубку и повернулся лицом к пострадавшему. – Тут на улице мальчик сознание потерял. Похоже, у него что-то с сердцем.

В этот момент появился веснушчатый паренек с пузырьком нашатыря. Ваня жестами показал ему, что нужно открыть флакончик, а сам, как мог, отвечал на вопросы дежурного скорой помощи.

– Скажи адрес, – протянул он трубку Веснушчатому, а сам осторожно поднес раскрытый флакончик к носу пострадавшего.

Парень закашлялся и, открыв глаза, еле слышно спросил:

– Я что, умер?

– По-моему, ты ожил, – ответил Ваня и стал медленно просматривать списки контактов потерпевшего.

Увидев на экране «папа», он нажал на вызов и вскоре в трубке раздался голос.

– Извините, я не Саша, – сказал Ваня. – Я случайный прохожий. Ваш сын потерял сознание и сейчас находится в скверике возле метро. Мы привели его в чувство и вызвали «неотложку». Как скоро кто-нибудь из вашей семьи сможет добраться сюда?

Папин раздраженный голос в трубке пытался выяснить, не розыгрыш ли это и что произошло с его сыном, но Ваня оборвал его:

– Слушайте, я же выкуп с вас не требую, а вы, когда вашему сыну станет лучше, сами выясните у него все интересующие вас детали.

В трубке раздались короткие гудки.

– Ты тоже это пробовал? – спросил он Веснушчатого.

– Угу, – сказал парень и утвердительно кивнул головой.

– Ну и как?

– Я тоже сознание терял, но ненадолго... Прикольно было. Как будто тебя в трубу затягивает.

– Вот чем ваши приколы заканчиваются. Можно так, наприкалываясь, и здоровье потерять.

– Чё ты гонишь? – возмутился Веснушчатый, но не договорил – на дорожке появился врач скорой помощи в сопровождении фельдшера.

– Так, ладно, – замялся Веснушчатый, – мне тоже домой пора.

– Э, нет, дорогой, – Ваня схватил парнишку за воротник куртки. – Это я, что ли, за вас тут отдуваться буду?

Пока врач и фельдшер осматривали больного, задержанный Ваней парень нехотя отвечал на вопросы.

Через несколько минут к ним подбежала взволнованная, коротко постриженная женщина. На ней был стильный светлый брючный костюм, но она, не раздумывая, встала на колени рядом со слегка порозовевшим парнем.

– Сынок, что с тобой случилось? – спросила она. – Сашенька, ты слышишь меня?

Мама пострадавшего подняла голову и посмотрела на окружающих ничего не понимающим взглядом. Ваня попросил погрузневшего Веснушчатого объяснить ситуацию, а сам продолжил прерванный путь с чувством выполненного долга, но, не пройдя и ста метров, наткнулся на группу ребят, перегородивших ему дорогу. Среди них был и скрывшийся с места недавних событий Длинный.

– Ну, герой, – сказал рослый парень лет семнадцати с рыжинкой в волосах, на вид самый важный из присутствующих. – Больше всех тебе надо, да?

– Не понял, – спокойно ответил Ваня. – Мы знакомы?

– Вот сейчас и познакомимся, – хихикнул Рыжий.

– А ко мне какие претензии? – спросил Ваня и оглянулся – в поле зрения не было ни души.

– Ты брата моего, зачем в заложники оставил?

– Это Веснушчатого, что ли? – уточнил Ваня.

Вместо ответа Рыжий сделал шаг вперед.

– Тебе надо было спасателя из себя корчить, ну и корчил бы в свое удовольствие! Чего же ты тогда ушел, а брата моего отдуваться за всех оставил?

– Кто тебя *еще* звал!

Длинный сделал шаг вперед. В присутствии Рыжего он чувствовал себя намного уверенней.

– А вот мы ему сейчас нос в сторону сдвинем, чтобы впредь наука была, – добавил худощавый подросток с прыщавым лицом.

– И фейс разукрасим, чтобы мама родная не узнала, – хихикнул коренастый брюнет с густыми бровями.

– Ребята, но пятеро на одного – не по правилам, – улыбнулся Ваня, надеясь разрулить ситуацию мирным путем.

– Если тебе правила нужны, так мы их сейчас на физиономии твоей напишем, – сказал брат Веснушчатого и выкинул вперед массивный кулак, направленный Ване прямо в нос.

Но не тут-то было. Атакуемый успел увернуться и оттолкнуть нападавшего. Рыжий не удержался на ногах и грохнулся на траву.

– Ах ты, ... – выругался он нецензурной бранью, вскочил и с криком «Мочи его!» накинулся на посрамившего его парня.

На этот раз его удар достиг цели, но Длинный и Брюнет уже лежали на траве.

– Ребята, я же могу и покалечить нечаянно, – выкрикнул Ваня, отбиваясь на все стороны. – Я боксом занимался!

– Заткни его, Мишель! – донеслось в ответ где-то сбоку, и Ваня пропустил еще один удар.

Кто-то вцепился ему в волосы сзади, кто-то бил кулаками в живот и ногами по бедрам. Вопреки ожиданиям положение становилось серьезным. Его снова настиг мощный удар, но в этот момент раздался звук свистка, и Рыжий скомандовал:

– Разбегаемся в разные стороны! Хватит с него для начала!

Через минуту на месте происшествия Ваня с кровоподтеком под глазом остался один, а из-за дерева появилась пожилая женщина со свистком в руке.

– Это они все тебя одного били? – удивленно спросила она.

– Да уж, – ответил Ваня, тяжело дыша. – Спасибо вам большое за помощь, – поблагодарил он свою спасительницу, осторожно касаясь пальцами травмированного места на лице.

Женщина достала из сумочки влажные салфетки. Одной она протерла Ване лицо, а другую приложила к кровоподтеку. Ее простой темно-зеленый плащ оттенял карие глаза и светлую седину волос.

– Я свисток всегда с собой ношу, – сказала она торопливым молодежьим голосом. – Он уже не одну драку помог мне остановить.

– И что бы я без вас делал? – Ваня ощупывал ноющую руку.

– Да-а, – протянула женщина, – вовремя я появилась. – Но ты здорово отбивался, должна я сказать.

– Вы так считаете? – Ваня попробовал улыбнуться, но скривился от боли – губа была разбита. – Я-то думал, что просто раскидаю этих малолеток по сторонам, и на этом все закончится, а они, как мошка, всего меня облепили.

– Вы далеко отсюда живете? – спросила женщина, и ее добрые глаза внимательно осмотрели пострадавшего парня.

– Минутах в десяти ходу, – ответил Ваня, отряхивая одежду. – Вот только сегодня брюки чистые одел! Вы только посмотрите, что они с ними сделали!

– Идите быстрее домой. Вам нужно приложить лед или что-то холодное к ушибу, чтобы отек не увеличивался, а брюки постираете. Не велика беда!

– Спасибо вам еще раз за помощь, – сказал Ваня уже спокойнее. – Не скажете, как вас зовут?

– Мария Федоровна, – ответила женщина. – А зачем вам?

– Я помолюсь за вас. Если бы не вы, дорога в травмпункт была бы мне обеспечена.

– Ну, тогда скажите и ваше имя.

– Меня зовут Иваном.

– Замечательное русское имя, – Мария Федоровна на мгновение задумалась. – Такое имя не забудешь. Ну, что же, всего вам доброго, Ванечка. Желаю не встречать больше на своих путях драчливых бездельников. Вы идите быстро, а я медленно, по-стариковски, пойду за вами. Если что, еще раз свистну.

Ваня улыбнулся и быстрым шагом пошел прочь от злополучного места.

Поднявшись по ступеням, ведущим к верхнему уровню расположенных каскадом домов, он издали заметил человека, сидящего прямо на траве. Согбенная спина показалась ему знакомой. Подойдя ближе, он понял, что не ошибся.

– Ну и видок у тебя! – сочувственно сказал Ваня.

Пашка поднял взлохмаченную голову с торчащей, как в детстве, непокорной челкой, и губы его растянулись в кислой улыбке:

– С твоей рожей я бы не выступал. Тебя-то *кто* разукрасил?

– Да нашлись художники, – Ваня присел на траву рядом с Пашкой. – Давно тут прохлаждаешься?

– Да кто его знает! – вяло ответил Пашка, опустив голову.

– Напутешествовался?

Горемыка утвердительно кивнул, рассматривая потухшую сигарету.

– Слушай, а надпись на футболке твоей – как раз по теме: «Life is shit³». И клык какой-то на шнурке красуется, где раньше крест висел.

Пашка в ответ только скривился и махнул рукой.

– Голова трещит? – спросил Ваня.

Страдалец снова кивнул.

– А чего здесь сидишь?

– Разве могу я в таком виде домой заявиться?

– Знаешь, – поспешно начал Ваня, – самое интересное, что ты был в совершенно конкретном месте и не где-нибудь, а в «славном» городе Вавилоне лет так тысячи две с половиной назад. Вот и амулетик, не оттуда ли, случайно?

– Да чё ты гонишь! – Пашка с трудом поднял голову.

– Я тебе чистую правду говорю, – улыбнулся Ваня, насколько позволяла травмированная губа. – Я сейчас как раз материал по Вавилону собираю. Дорога, о которой ты говорил, называлась Дорогой процессий. Но было у нее и другое название. Именно в таком виде она тебе, видимо, и явилась.

– Ну, и какое было у нее название? – вяло поинтересовался Пашка.

– Дорога смерти.

– Во, – оживился «путешественник». – Это уже ближе. Ну, и чё там, дорога эта?

– Этот вымощенный туннель между двух высоких стен в случае войны превращался в последнюю ловушку для врага. Представляешь, чтобы попасть в город, нападающим сначала нужно было переплыть на надутых воздухом овечьих бурдюках через ров, наполненный водой из Евфрата, под неприятельским обстрелом. Потом им предстояло одолеть три линии толстенных стен, по которым свободно могли проехать шесть колесниц в ряд. И если бы им удалось совершить невозможное, то каменный мешок с разъяренными львами и драконами привел бы атакующих в трепет. Ну как, узнаешь картинку?

Пашка кисло улыбнулся.

– И это еще не все, – продолжил Ваня. – Лавина стрел, копий и асфальтовых ядер, низвергнувшихся с семиметровой высоты, не оставила бы им и малейшей возможности для бегства.

– Да придумал ты все это, – махнул рукой Пашка.

³ Life is shit (англ.) – Жизнь – дерьмо

– А я тебе ссылочку пришлю с картинками. Интересно, узнаешь ты обстановочку или нет?

– Ну, пришли! – В потухших глазах «путешественника» вспыхнул слабый огонек неподдельной заинтересованности.

– Слушай, а Вавилонскую башню ты видел?

– Никакой башни я не видел, – Пашка снова скривился. – Я вообще, если хочешь знать, реально на Красной площади оказался. Сам не пойму, как меня туда занесло.

– И что ты там делал?

– Что я мог там делать в половине пятого утра, соображаешь? Отдал честь вождю, и потащился в сторону метро, чтобы не привлекать к себе внимание ментов. Потом, замерзший, как собака, плюхнулся на сидение в первом появившемся поезде и проспал, как убитый, пока меня не растормошили на конечной станции и не вытолкали взащей, как бомжа.

– И до чего ты только докатился! – сочувственно сказал Ваня и тяжело вздохнул.

– А тебе не все равно? – огрызнулся Пашка.

– Вот, представляешь, *мне* не все равно! И физиономию мне по этой же причине разукрасили!

Пашка удивленно посмотрел на друга детства, но промолчал.

– Смотреть на тебя тошно, – сказал Ваня в сердцах. – А из-за чего все это, как думаешь? Молчишь? А я тебе скажу: всё это от безделья! Помнишь, как ты в сочинении о летних каникулах когда-то написал: «Жизнь – халява!» Вот от этой-то халявы все твои проблемы!

– Да достало все! – Пашка тяжело вздохнул, а Ваня поднялся с травы, на которой сидел, потому что земля была холодной. – Идешь? Ну, иди себе, – горе-путешественник вяло махнул рукой.

– Индейцы, – сказал Ваня, отряхивая брюки, – грибочки специальные жевали, чтобы войти в контакт со своими богами. А тебе-то, Павел Воронов, зачем чужие боги нужны?

Пашка не ответил.

– Ты-то хоть учишься на своего менеджера, я надеюсь? – спросил Ваня после небольшой паузы.

– Конечно, учусь, – ответил Пашка и тяжело вздохнул. – Папа платит, а сынок – обалдуй.

– Трезвая самооценка это уже первый шаг к покаянию.

– Чего-чего? – напыжился Пашка. – К какому еще покаянию?

– Об этом я тебе в другой раз расскажу, – спокойно ответил Ваня, рассматривая новенькую Пашкину куртку в пятнах засохшей грязи. – С такой замороченной головой ты все равно ничего не поймешь. Так, давай, поднимайся. Я тебя до дома доведу, а то мне тоже нужно холодное к ушибам приложить.

– А что я отцу скажу?

– Скажешь, что избili тебя... Хочешь, синяк тебе под глазом поставлю?

В глазах у Вани заиграли веселые огоньки, но в ответ на его предложение послышалось только невнятное мычание. Тогда Ваня, взяв Пашку под мышки, стал поднимать его изможденное тело.

– А ты когда-нибудь был «под грибами»? – спросил Пашка, когда они одолели крутые ступени. – У тебя творчество, знаешь, как бы попёрло!

– Нет, дружище, я реалист, мне «грибного» творчества не надо, – сказал Ваня и задумался. – Фантазии – это путь, уводящий от Бога. Что-что, а это я точно знаю!

– Да что ты мне лапшу свою вешаешь! – возмутился Пашка. – Ну и плевать! У каждого из нас есть право выбора! Мне пока просто хочется все попробовать!

– Что все-то? – спросил Ваня. – Покурить вонючую травку, запить водичкой таблеточку, вызывающую искусственное расщепление сознания или, другими словами, шизофрению? Ну, и попробовал ты это «все», а как оно называется, можешь сказать?

– Ой, достал ты уже, – скривился Пашка.

– Так не только же я тебя достал, – улыбнулся Ваня. – Тебя и твои экскурсии достали. Сам же пять минут назад говорил!

Пашка скривился, как если бы ему всунули в рот кусок лимона.

– Нет, ты не кривись, – продолжал Ваня, – раз уж позвонил мне посреди ночи...

– А я чё... – Пашка поспешно перебил друга. – Мне, знаешь, ночью, после разговора с тобой, немного легче стало. Хоть эти красные твари исчезли!

– Вот видишь, – обрадовался Ваня. – Слушай, мне кажется, я знаю, почему твое путешествие закончилось на Красной площади.

– Ну, и почему? – безразлично спросил Пашка.

– Потому что в слепопотопном мире в Междуречье образовалось два государства, боровшихся между собой за власть. Это были Египет и Вавилон. Египет, ослабленный «казнями» ради исхода евреев, не устоял под сильной рукой Вавилонского царя Навуходоносора. Паритет был нарушен, и Вавилон впервые в мировой истории, на самой ее заре, поставил себе задачу стать центром мира.

– Я не понял, – возмутился Пашка, – причем здесь Красная площадь?

– А притом, что в начале двадцатого века новые навуходоносоры, заразившись вирусом богоборчества и идеей мирового господства, имя которым ВАВИЛОН, на месте разрушенного храма Христа Спасителя начали сооружение новой башни – символа воинствующего атеизма. Этот «зиккурат» должен был стать Дворцом Съездов с венчающей его фигурой Ленина такого размера, что в одном пальце его планировалось разместить две библиотеки и кинотеатр. Но «поспорить с небом» богоборцам снова не удалось – война началась, поэтому пришлось ограничиться небольшим Мавзолеем в честь вождя, рядом с которым ты чудесным образом в пять утра и оказался.

Они уже подошли к Пашкиному дому, но «замороженный путешественник» домой не спешил.

– Идем, покачаемся на качелях, – неожиданно предложил он. – И ты мне еще какую-нибудь story⁴ расскажешь.

– Ну, пожалуй, я могу рассказать тебе о Вавилонской башне по нашей с тобой теме, – начал Ваня, и, оттолкнувшись ногами, взлетел вверх.

– Эй ты, террорист, осторожней! – Пашка скривился из-за удара качели о землю. – Я еще жениться собираюсь, – выкрикнул он и заразительно засмеялся.

– Слышишь ты, прекрати! Мне больно смеяться, – еле сдерживался Ваня. – Будешь смеяться, «стори» не получится.

– Получится, – щеки Пашки порозовели. – Просто она веселая будет.

– Ну, в общем, эту башню строили сыны погибели, – начал Ваня уже в другой манере. – Нагнали рабов, чтобы таскать и укладывать камни, архитекторов, чтобы разработать концепцию и дизайн, и, конечно же, инженеров, чтобы постройку осуществить. И все это ради идеи.

– И какая же была идея? – Пашка блаженно улыбался.

– А идея была доказать, что жить можно и без Бога. Ну, как в песне поется: «мы свой, мы новый мир построим». Да только проблема у них была с Потопом. Тогда еще все о нем помнили, а он был карой за непослушание Творцу. Поэтому человеческие гордецы, которые «сами как боги», решили построить башню высотой до небес, чтобы у Бога на ее затопление воды не хватило!

– Молодцы-то какие, – крикнул Пашка, в очередной раз взлетая вверх. – Слушай, их бы в Клуб веселых и находчивых. Всем бы фору дали! А Бог-то им, Ваня, языки смешал, я знаю! – самодовольно улыбнулся Пашка и продолжил: – Могу даже рассказать, как это было.

⁴ Story (англ.) – история

– Ну, если знаешь, расскажи, – ухмыльнулся Ваня.

– С преобладающим удовольствием, – Пашка на пару секунд задумался и, тряхнув головой, начал свой рассказ: – Раб спрашивает, какой камень нести, а инженер ему «кулды-булды» в ответ. Инженер архитектору чертежом в нос тычет, мол, правая здесь ось или левая, а он ему в ответ «кульдиссимо-бульдиссимо». Инженер от злости рабу между глаз как засветит! Бедный раб, не удержав равновесия, налетел на архитектора, да так, что чуть с ног его не сбил! Тогда возмущенный архитектор, в свою очередь, с разворота засветил и рабу и инженеру, и такая пошла потасовка, что у всех рожи похлеще твоей стали! Крик и гвалт – отовсюду, с башни то один, то другой вниз рыбкой ныряют! Трое нырнуло – ни один не вынырнул! Вот так и закончилось строительство, а сыны погибли на костылях и колясках разбредлись по свету в поисках тех, кто или «кулды-булды» или «кульдиссимо-бульдиссимо» понимает.

– Ну, Пашка, – давился смехом Ваня, стараясь не растягивать губы, – я это твое «кулды-булды» на заметку возьму, не возражаешь?

– Бери, друг дорогой, – довольный Пашка был щедр, как сытый лев. – Обращайся, с тебя копейки не возьму.

– Так, ладно. Слезай с качелей! – скомандовал Ваня. – Ты на них, как «под грибами».

– Слушай, а ты прав, – Пашка озадаченно свел брови. – Качельки-то и для здоровья полезны, и удовольствие – совершенно бесплатное. Жаль, что я раньше ими не баловался! Ванька, а я после твоих историй домой румяный и веселый приду. Никому и в голову не придет, что меня полночи колдыбасило.

– Вот и хорошо, – Ваня хлопнул «путешественника» по плечу.

– Пойду я, ладно? – сказал Пашка и махнул на прощание рукой.

– У нас акция через неделю. Ты как?

– Это еще что такое? – удивился Пашка.

– Придешь – узнаешь. Я тебе позвоню, идет?

Пашка ничего не ответил и, открыв дверь, исчез в глубине подъезда.

Глава 3. Поединок

Принимать участие в какой бы то ни было акции Пашка, конечно же, не собирался, но для того, чтобы отвязаться от Жукова, откликнувшегося на его ночной зов о помощи, нужен был солидный предлог.

Перебрав кучу вариантов, Пашка остановился на поединке, который он решил устроить между ним и Серым, продвинутым язычником. Пашка был уверен, что Ваня проиграет, потому что Святогор, как Серый теперь называл себя, «опустил» уже не одного православного. Внешне они с Жуковым даже похожи были: приблизительно одинакового роста, волосы до плеч, но Серый был в плечах шире, приземистее, и на голове иногда, для большей выразительности, носил узкую косичку. Нрава, в отличие от Вани, он был крутого и в карман за словом не лез.

Ваня, не подозревавший о подвохе, охотно откликнулся на Пашкино предложение встретиться, отложив ради этого работу над очерком.

Дописав мысль до точки, он отправил компьютер «спать», написал маме записку, на случай, если задержится, и, быстро одевшись, вышел на улицу и тут же услышал знакомый голос своей маленькой подружки.

Девочка лет семи со сплетенными в косички светлыми волосами бежала ему навстречу и кричала:

– Там кошка на дереве! Она не может спуститься и горько плачет!.. Ой, а что у тебя с лицом? – от неожиданности «косички» резко остановились.

– И что же у меня с лицом? – переспросил Ваня.

– У тебя такой синяк под глазом!

– Да что ты говоришь! – Ваня сделал вид, что пытается вспомнить, откуда у него мог появиться синяк. – А, – обрадовался он, как если бы вспомнил, – это я задумался и ударился о столб!

– О столб? Обманываешь, да?

Ваня отрицательно покачал головой и улыбнулся.

– Ладно, идем, я тебе покажу, где бедная кошка сидит!

– Слушай, Маришка, а, может, кошка меня увидит и от страха сама с дерева слезет, как думаешь?

Девочка рассмеялась и, взяв шутника за руку, потащила его за собой.

«Ну, что же, – подумал Ваня, – „бедная кошка“ – важнее. Пашка подождет».

– Видишь ее? Вон там, – Маришка поднятой вверх рукой указывала направление.

Ваня похлопал в ладоши, чтобы привлечь к себе внимание животного, но испуганная кошка, никак не отреагировав, продолжала жалобно мяукать.

– За ней большой пес гнался, – объяснила Мариша.

– Ну, тогда понятно, – сказал Ваня, просчитывая варианты подъема. – Давно я по деревьям не лазил.

Он схватился за толстую ветку и, обхватив ногами ствол, подумал:

«Хорошо, что я в детстве приобрел необходимые навыки в дедушкином саду».

Девочка, пристально следившая за подъемом, то ойкала, то вскрикивала, иногда даже закрывала глаза от страха. Когда же кошка, наконец, оказалась у Вани на груди, Мариша громко и радостно закричала.

– Я так за тебя переживала! Так переживала, – повторяла она взхлеб, с восхищением глядя на спасателя, благополучно прыгнувшего на землю. – Слушай, а кошка-то умная! Ухватила за рубашку, чтобы руки у тебя свободными были!

– Это, Мариша, не ум, – сказал Ваня, пытаясь оторвать цепкие когти перепуганного животного от своей одежды. – Это инстинкт самосохранения.

– Что это у вас тут за крики? – спросила высокая статная молодая женщина, незаметно подошедшая к месту происшествия.

– Ой, мамочка! Ваня кошку спас! Она вон там, на самой верхушке сидела! За ней большой такой пес гнался!

– Ну, тогда понятно!.. А тебя-то самого где так разукрасили? – Мама Мариши переключилась на «спасателя».

– Да в скверике у метро, – нехотя ответил Ваня.

Мариша, не отводя восхищенного взгляда от своего героя, вклинилась в разговор взрослых:

– Ваня, ты мне даже с таким синяком нравишься! Скажи, ты женишься на мне, когда я вырасту?

«Жених» от неожиданности даже растерялся.

– Обязательно женюсь, – сказал он после небольшой паузы, – но с одним условием.

– С каким же? – поинтересовалась «голубоглазая».

– Вот сейчас у тебя на носу пять веснушек, а должно быть только три.

– Ма, а веснушки разве выводятся? – огорченно спросила Мариша.

– Не переживай, доча, – улыбнулась мама. – Найдем средство. Никуда он от нас не денется! На вот тебе кусочек колбаски и пойди, покорми кошку.

Мариша, сияя, подбежала к сидевшей в кустах кошке и с удовольствием стала выполнять мамино поручение, а Ваня, объяснив, что опаздывает, пошел в сторону сквера, где его ждал «вавилонский путешественник».

Увидев рядом с Пашкой незнакомого парня, с подчеркнута славянской внешностью, он огляделся по сторонам, и, не заметив группы поддержки, с облегчением выдохнул.

– Привет, Ваня! – Пашка дружелюбно улыбался, как ни в чем не бывало. – Познакомься, это мой хороший знакомый, Святогор. Я рассказал ему о нашей с тобой встрече, и он захотел с тобой пересечься.

– С какой целью, если не секрет? Надеюсь, не для того, чтобы на моем лице появился еще один синяк?

Святогор многозначительно улыбнулся, но ничего не ответил.

– Придумаешь такое! – хихикнул Пашка. – Мы своих не бьем!

– А я отношусь к «вашим»? – Ваня пристально посмотрел на Пашкиного знакомого. – Мне, знаете, приходилось бывать на сборищах патриотов всех мастей, которые сначала вроде бы все за одно, но потом очень друженько объединяются против православных. А язычники вообще довольно агрессивны.

– Ну, это, видимо, потому что им претит религия рабов, – вступил в разговор Святогор, тенор которого плохо сочетался с горой бицепсов.

– Ну, что касается религии рабов, я бы предложил сначала разобраться, – начал Ваня, собираясь с мыслями. – Рабом человека делает совершённое над ним насилие, влекущее за собой полное и безоговорочное подчинение раба своему Господину. Так ведь?

Святогор проигнорировал вопрос.

– Но меня, смею заметить, силком в церковь никто не тащил. И вообще, учет пришедших там никто не ведет. Дверь открыта, хочешь, заходи, не хочешь – спи себе до двенадцати. И поститься меня тоже никто не заставляет, и правило вычитывать. Я это делаю не из-под палки, а свою собственную волю. А называю себя «рабом Божиим», потому что осознаю свое ничтожество перед Творцом неба и земли. И где же тут «религия рабов»?

– Не в учете здесь дело, а в учении, – сказал Святогор и презрительно скривил губы. – Вас там попы учат все терпеть и перед всеми смиряться. Из-за вас мы как нация не можем сплотиться, вот и докатились до такой жизни!

– Сплотиться в чем? В злобе и ненависти?

Святогор в ответ только криво ухмыльнулся и смерил противника презрительным взглядом.

– И ты хочешь сказать, – продолжал Ваня, – что язычество это религия свободных?

– Во-первых, язычество это не религия, а истинное знание.

– А в обмен на что вы его получаете? – Ваня пристально посмотрел на Пашкиного знакомого.

– Как в обмен на что? – По всей видимости, у Святогора не было готовой заготовки ответа на такой вопрос.

– А что такое «шаманская болезнь», ты знаешь? – спросил Ваня.

– Что еще за болезнь такая? – удивился Пашка.

– Типа эпилепсии, – ухмыльнулся Ваня. – Кстати, этого ты еще не попробовал.

– И пробовать не собираюсь. Нужно очень!

– Но зато *потом* какие возможности! – продолжал Ваня, иронизируя. – И ясновидение, и целительство, к тому же – почет и уважение! А нужна-то всего малость: перебороть страх и отдаться некоему духу, который в обмен на бессмертную душу, согласится тебе до поры до времени служить. Разве это свобода?

– А почему нет? – спросил Святогор. – По крайней мере, честная сделка!

– Честная? – переспросил Ваня. – И это с духом, имя которому клеветник и искуситель? Ты, надеюсь, об Алистере Кроули и Энтони Лавее слышал? Это основатели современного сатанизма, – объяснил Ваня для Пашки, по глазам которого было видно, что он *этого* еще «не пробовал». – Кроули, кстати, автор карт Таро для гадания на судьбу, которые сейчас продаются в каждом киоске. Свои знания они черпали из работ одного английского математика, астронома, криптографа, тайного агента и астролога королевы Елизаветы, мага Джона Ди. Он тоже слепо верил в то, что духи, появлявшиеся в магическом кристалле, честные. Но за получение тайных знаний «добрые ангелы», как легковерный маг называл их, заставляли ученого и его напарника-медиума поступать против своей воли, вплоть до обмена женами, а за промедление в выполнении команд грозили им проклятием до пятого колена. В результате легковерам так и не разрешили воспользоваться полученными знаниями. Маг Ди умер в 1608 году, одинокий и разоренный, а его сообщник романтик-алхимик Келли погиб, пытаясь бежать из заключения в одной из иностранных тюрем. Маг и его медиум были для духов лишь инструментами, способными воспринять и записать для передачи будущим адептам печати, коды и ключи для вызывания духов, то есть для занятий магией, некогда похороненной персами под развалинами Вавилона... И ты это называешь «честной сделкой»? Да и сам Кроули, «Зверь 666», какой только магией не занимался, каких только тайных знаний не получал! А закончил жизнь от передозы в дешевом отеле.

– Зачем нам англичане? – отмахнулся гордый русич от собеседника, как если бы тот был назойливой мухой. – У нас свои боги есть! Боги нашего великого рода!

– Типа Кикиморы, – улыбнулся Ваня, – богини сна?

– Ты чё, серьезно? – хихикнул Пашка.

– А в одном из «Поле чудес» на полном серьезе такой вопрос был.

Святогор замылся, пытаясь отразить удачный ход противника, но Ваня воспользовался возникшей паузой.

– Мы, ведь, «хрюсы и овощи», у вас и Троицу украли, которая изначально была треглавым Сварог-Перун-Велес, так? Только почему тогда всё на свете сотворил Род и рожаницы? Нестыковочка, да?

– Начитался? – вспыхнул Святогор. – Да куда тебе с твоими зомбированными мозгами в наших богах разобраться!

– Ну, конечно! – Ваня изо всех сил старался сохранить спокойствие духа. – Мы и вашу Книгу Велеса, завезенную из Европы, читали, поэтому знаем, откуда языческий ветер дует. Еще бы: «отомсти за пращура, уничтожь Православную веру – виновницу твоих бед!» А ты мне скажи, – Ваня не давал Святогору возможности опомниться. – Почему тогда язычество на Руси проиграло христианству? Как так случилось, что brutальные варвары и несгибаемые воины повелись на «религию рабов и слабаков»?

– А потому что она насаждалась огнем и мечом!

– А почему тогда Перун не помог? Почему не метнул он молнию и не испепелил враждебного Бога? Молчишь? То-то и оно, что еще разобраться нужно, у кого мозги зомбированные!

– Зато мы не ползаем на коленях, как вы! Не носим последние копейки в церковную кружку, чтобы ваши попы разъезжали на «мерсах» и ходили в парчовых одеждах!

– Ага, и еще вы не пьете! Только в некоторые праздники, типа Ивана Купала, ваши «высоконравственные» волхвы объявляют всех девушек общими! Вот ты себя Святогором называешь. А ты знаешь, что такое святость?

– И что, по-твоему? – Святогор предпочел пропустить ход.

– *Сия есть воля Божия – святость ваша*, – говорил Апостол Павел. — *Храните себя от блуда, чтобы каждый умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения.* Это вам не по лесу бегать, девок ловить, и идолам срамного вида поклоняться!

– А разве это не *ваш* Бог сказал: «Плодитесь и размножайтесь?» – перешел в наступление Святогор.

– Почему тогда у нас сейчас так плохо с этим «размножайтесь»? – спросил Ваня. – Проблемы всякие демографические, работать некому, иностранную рабсилу приходится завозить. Не православные же в этом виноваты? Они-то как раз и рожают, да только их – меньшинство!

– А мне нравится, как язычники хороводы водят, – вклинулся Пашка. – Девушки в венках, глаз не отведешь!

– Да уж, – вздохнул Ваня. – Посмотришь их ролики – не налюбишься: как же у славян-язычников все красиво было! А я вот из жития святителя Тихона Задонского знаю, что очень сильно картинки эти романтизированы. В Воронеже вплоть до 1765 года ежегодно отмечался оставшийся с языческих времен праздник бога солнца Ярилы. Вникаешь? Восемь веков спустя после Крещения Руси «огнем и мечом», как твой друг утверждает! Праздник этот длился не одну неделю. Человек в бумажном колпаке, украшенном бубенцами, лентами и цветами, с набеленным и нарумяненным лицом, изображавший собой Ярилу, плясал неистовый танец, а за ним плясала и бесновалась пьяная толпа. Все это действо сопровождалось драками, руганью и скверными песнями. Однажды, в самый разгар этого безобразия, на площади неожиданно появился епископ Тихон. Народ, устыженный не «огнем и мечом», а *пламенным словом* пастыря, прекратил свои игрища и бросился разрушать балаганы, палатки и шалаши.

– Совсем как на Майдане, – хихикнул Пашка.

– Да, – вздохнул Ваня, – все старо, как мир, только у людей память короткая и на обманщиков они падки.

– Да достал ты уже! – рявкнул Святогор. – Вы, христиане, нелюди! В вашей же Библии в первых двух главах всё черным по белому написано! В первой говорится о том, что созданы были люди, и на этом в жизнеописании этих людей ставится точка. Во второй главе, как утверждается, опять созданы люди, но на сей раз Адам и Ева, и именно по ним разворачивается всё, что в Библии есть. Это же два разных, совершенно независимых проекта! Первые люди, о которых Библия ничего говорить не хочет, это *мы*, ведущие Род от своих богов. А вторые – «тварные», то есть твари, созданные из праха и ребра, это *вы*, по сути, нелюди, а потому и рабы. А мои боги меня рабом не называют!

– Слушай, – после небольшой паузы сказал Ваня, – вот если бы твой прапрадед речи твои послушал, он бы точно тебя высек.

– Нет, он бы другую щеку подставил, как его иудохристиане научили! Ты, ведь, тоже этому следовать должен?

Святогор замахнулся, чтобы дать своему собеседнику увесистую пощечину, но промахнулся, потому что, благодаря хорошей реакции, Ваня успел увернуться от удара и заломить бьющую руку за спину нападающего.

– Отпусти, тварь, – прорычал Святогор.

Но Ваня сделал ему еще больнее.

– Видишь, – сказал он, учащенно дыша, – слова Писания не нужно понимать прямолинейно. Чувство собственного достоинства, это, кстати, добродетель. Тем более что ты не меня обидел, а весь народ наш православный, нашу православную веру!

– Отпусти, сказал! – задыхаясь от гнева, прохрипел Святогор.

– Сейчас отпущу! Я просто хочу, чтобы ты усвоил слова святителя Филарета: *Нужно любить врагов личных*, потому что они посылаются нам для смирения, *но ненавидеть врагов Отечества и гнушаться врагами Божиими*. Понял?

Ваня отпустил удерживаемую руку, и посрамленному Святогору ничего не оставалось, как испепелить победителя взглядом и выдавить из себя напоследок: «Выродок!»

– Но если тебе очень хочется унижить меня *лично*, – сказал Ваня, – то можешь ударить! Я не шевельнусь и подставлю другую щеку!

– Нужно очень руки марать! – Святогор развернулся и быстро пошел прочь.

– А вообще человек, действительно, животное, – крикнул ему вдогонку Ваня, – но призванное стать богом! Слышишь, богом, а не зверем, ненасытным в своей злобе!

– Ванька, это просто нокдаун, как ты его! – Пашка восхищенно смотрел на победителя.

– Ты зачем эту встречу подстроил? – спросил Ваня, чувствуя набегающую волну раздражения. – Не хотел со мной в акции поучаствовать?

Пашка молчал.

– Так сказал бы прямо, – продолжал Ваня. – Я же не стал бы тебя силком тащить. Но, если хочешь знать, в основе всех этих новомодных теорий, захлестнувших нашу молодежь, лежит обман и сатанинская злоба на христианство. Вот его «черным по белому», это же бред сивой кобылы, рассчитанный на слушателя, в лучшем случае, Библию только в руках державшего! Библия, видите ли, в первой главе «говорить не хочет»! Так чтобы Библию читать, нужно сердце сначала хоть немного от страстей очистить, потому что *только чистые сердцем Бога узрят!*

– И что же тогда там написано? – поинтересовался Пашка.

– Ну, как тебе объяснить? Первая глава, она как пролог. В ней как бы тезисно боговидцу Моисею открывается тайна творения всего живого. А во второй главе дается более подробное описание основных моментов творения, описанных в первой главе, объясняется, как и почему. Понял?

– Я Библию даже в руках не держал, – чистосердечно признался Пашка, как ученик на уроке, не выполнивший домашнее задание.

Ваня, глядя на него, не смог сдержать улыбки.

– Эх, Пашка, хороший мог бы из тебя парень получиться, если бы усвоил ты две простые истины. Первая: когда нет Бога, тогда все дозволено. Вторая: когда на небе – Бог, на земле – все в порядке. Понял? Да ничего ты не понял! – Ваня махнул рукой. – Слушаешь всякую ерунду: солнце – настоящий *непридуманный* бог! А если у человека травма тяжелая, энергия солнца ему на ноги встать поможет? Да хоть с утра до вечера будет он солнечные ванны принимать – толк один! А если солнцу молиться? Я читал историю одного бывшего язычника, кото-

рый, попав в тюрьму, пробовал молиться языческим богам. Стал повторять: «Велес, Велес», а результат такой же, как если бы он Мики Мауса на помощь призывал.

Пашка хихикнул и хотел было уже сам пошутить, но Ваня остановил его.

– А вот другая история, лично пережитая человеком, рассказавшим ее мне. Парализованный ниже пояса, он молил Бога об исцелении. Десять дней, кроме просфоры и святой воды, ничего не ел и не пил, друзья ежедневно помогали ему прикладываться к мощам преподобного Сергия, и на десятый день он пошел своими ногами!

– Ты это не придумал? – Пашка недоверчиво посмотрел на рассказчика.

– Я даже сына его видел, которого этот некогда парализованный ниже пояса, потом, женившись, произвел на свет! А иудохристианство? Главный «конек» неоязычников! Ты его в следующий раз при встрече спроси, почему тогда в Англии в 2015 году провели разделение между Библией и Торой. Там раньше студентам на прикроватную тумбочку клали Библию, а теперь им предлагают выбирать, так как Библия признана недостаточно мультикультурной.

– Ну, хватит меня агитировать, а то мой комп, – Пашка скривился и постучал себя по голове, – перегруженный вашими дебатами сейчас задымится. Ты позвони, когда у вас там акция эта будет. Может, и приду.

– Ладно, давай, – Ваня хлопнул Пашку по плечу. – И мне пора назад к нашему с тобой Вавилону. Кстати, если ты еще не забыл «Отче наш», то должен знать, что наш Бог рабами нас не называет, потому что пришествием Христа мы усыновлены Ему.

Пашка махнул рукой и отправился в сторону метро, а Ваня, пройдя каких-нибудь метров десять, свернул на обходной путь. После произошедшего инцидента хотелось пройтись, чтобы успокоиться.

«С Пашкой все понятно, – думал Ваня. – Этому Шалтай-болтаю лишь бы все попробовать. Но Святогор – другой: он и целеустремленный, и равнодушный, и активный. Казалось бы, что плохого в том, что молодежь интересуется прошлым своего народа, изучает обычаи, традиции, верования? Но беда в том, что интерес этот замешивается на лжи невидимыми инженерами человеческих душ, чтобы действие этой лжи, *будучи малоприметным, действовало тем вернее, убийственнее*, как писал святитель Игнатий Брянчанинов. Они искусственно разделяют один и тот же народ на „до“ и „после“, „красных“ и „белых“, „сознательных“ и „сепаратистов“, а их последователей сталкивают лбами. Чем больше лбов в результате разобьется, тем лучше».

Ваня поравнялся с двадцатиэтажным одноподъездным домом-башней.

«А Вавилонская башня гораздо выше была, – подумал он. – Ее недостроенные девяносто метров это приблизительно наши сорок этажей. Такое себе внушительное небоскребище!»

Ваня уже забыл и о Пашке и о Святогоре, потому что мысли его перенеслись в далекий, проклятый Богом город. Каждый новый год в день весеннего равноденствия проводилась там «священная» сексуальная церемония: посреди большого пира и празднеств царь, желая вымолить благоденствие своему правлению и получить предсказания о грядущем годе, «женился» на богине Иштар, роль которой брали на себя могущественные жрицы храма. Считалось, что во время соития в тело жрицы входила богиня, и уже не жрица, а сама богиня говорила ее устами.

«Как же все это современно! – с горечью думал Ваня. – И Большой Адронный Коллайдер, созданный Европой для воспроизведения «большого взрыва» с целью проникновения в антимир, не случайно же имеет форму звезды Иштар? Методики духовного пробуждения посредством секса используются и в европейском шаманизме, и в Вуду, и в тантрических сектах Индии, Китая и Тибета. Этот же принцип находит применение в некоторых школах современной западной магии, орденах, тесно связанных с Алистером Кроули. Нас тянут назад к язычеству, к низменной жизни по похотям плоти, потому что единобожие изменило вектор

направления жизни людей от животной к равноангельской: Бог Авраама не принимал *платы блудницы и цены пса ни по какому обету, ибо то и другое есть мерзость пред Господом Богом.*

На самом деле, – думал Ваня, – чем отличаются совокупляющиеся в храме, под храмом или где-нибудь на природе язычники от собак, азартно занимающихся продолжением рода поперек дороги?»

Мимо него прошла немолодая женщина, выгуливая ушастого любимца. Четырехногий лохмач подбежал к незнакомцу и тщательно обнюхал его ботинки. Но Ваня думал о своем:

«Блудные обряды срывали с человеческой души стыд, именно то чувство, которое первым после грехопадения появилось у Адама и Евы, внезапно увидевших свою наготу. Благодатное чувство стыда спасительной нитью связывало падшего человека с его Первообразом. Только оно способно было возратить его на путь целомудрия и святости, а потеря стыда делает человека совершенно беззащитным перед разрушающим демоническим воздействием. Не поэтому ли растление – обязательное условие инициаций сект сатанистского толка, а свободные нравы – прямая дорога назад в Вавилон».

Глава 4. Теремок

– Молодец, что пришел, – сказал Ваня и протянул руку в знак приветствия.

– А что будем делать, расскажи, – Пашка чувствовал себя неловко и поглядывал по сторонам.

– Да ничего особенного. Сейчас перенесем коробки с продуктами со склада в багажник и отвезем их тем, кому частенько бывает голодно.

– Бомжам? – от удивления Пашка широко открыл свои карие глаза.

– А почему бы и нет? – рассмеялся Ваня. – Бомжам разве кушать не хочется? Но сегодня мы едем к выпускникам детских домов, а точнее в Центр, который оказывает им помощь.

В этот момент к ним подошла худенькая симпатичная девушка в длинной черной юбке, темно-синем свитере и бежевой ветровке.

– Настя, познакомься, – сказал Ваня. – Это Паша, которого все зовут Пашка, потому что на другое обращение он не откликается.

– Он шутит? – спросила девушка и улыбнулась новому знакомому.

– Может, и шутит, – ответил Пашка, – но в каждой шутке есть доля правды.

– Павел будет нам помогать? – Настя вопросительно посмотрела на Ваню.

– Пашка, ты будешь нам помогать? – переадресовал вопрос Ваня, на что Пашка только пожал плечами. – Но если он все же вольется в наши ряды, – продолжал Ваня, – то скучать нам не придется.

– О, даже так? – удивилась Настя. – Ну, что же, я только «за». Позвольте представиться. Я руководитель волонтерского движения при молодежном центре «Троеручица». Мы собираем вокруг себя людей, которым не безразлична чужая беда. Спектр наших действий самый разнообразный. Ты, Павел, чем бы хотел заниматься?

Пашка, услышав обращенный к нему вопрос, растерялся, потому что уже не прочь был «сделать ноги».

– Я же тебя предупреждал, – сказал Ваня, читая мысли «вавилонского гостя», – что он только на Пашку откликается, а ты не веришь!

– Да ну вас с вашими шутками, – махнула рукой Настя. – А вот и Володя. Пора загружать машину.

Володя подошел как раз вовремя, не дав мыслям, уже наполнившим Пашкину голову, окрепнуть.

Спустившись по ступенькам в подсобное помещение, трое ребят принялись за дело, и, когда последний оранжевый пакет взгромоздился на коробки, полностью заполнившие багажник «Хонды», Володя сел за руль.

– А мы что, не перекурим на дорогу? – спросил раздумавшийся Пашка.

– А ты куришь? – удивилась Настя.

– Он уже почти бросил, – вмешался Ваня. – Но в новой обстановке нервишки напрягаются, так ведь, друг мой Пашка? Давай, кури по-быстрому и поедем.

Пашка торопливым жестом вытащил из внутреннего кармана почищенной «вавилонской» куртки пачку сигарет, чиркнул зажигалкой и втянул в себя воздух вместе с густым дымом. Если бы среди них не было девчонки, тем более такой «чики-пики», он бы ушел, но присутствие Насти его удерживало.

– Я редко курю, – решил он поддержать сделанный Ваней ход, – но, если мне встречаются незнакомые девушки, особенно некурящие, меня, как назло, тянет курить. А там, куда мы едем, девушки будут?

– Конечно, будут, – улыбнулась Настя и поморщилась: – Сегодня наш новый друг просто обкурится.

Довольный Пашка затянулся в последний раз, выбросил окурок, и сел рядом с Ваней на заднее сидение.

– Ваня, позвони Сергею, – попросила Настя. – Он говорил, что к половине второго будет, а уже тридцать пять минут.

Но не успел Ваня и телефон достать, как в незакрытую дверь машины постучались.

– Тебя интересует, кто у нас тут в теремочке живет? – Пашка не упустил возможности поприкалываться. – Ну, за рулем – Вовчик-води́ла, рядом с ним – Настя-командирша, этот у окна – Ванька-сочиняйка, я Пашка-барабашка, а ты кто?

Все рассмеялись, а втиснувшийся на заднее сидение широкоплечий, крепко сбитый парень, громко сказал:

– Ну, тогда я Сергей-воробей.

– Вот это так компания у нас собралась! – весело воскликнула Настя. – Давай, «Вовчик-води́ла», жми на газ!

– Откуда это такой шутник появился в нашей славной компании? – спросил Сергей, с интересом рассматривая новое лицо.

– Так это я его привел, – ответил Ваня. – Шел по улице, смотрю, парень хорошенький на траве валяется, скучает, вот я взял его под белы ручки и привел.

– Но ты же не знал, что он «Пашка-барабашка»? – смеясь, спросила Настя.

– Конечно, не знал! А теперь вот боюсь сидеть с ним рядом! А то еще набарабашит чего в дороге!

– Да ладно тебе! – подражая коту Матроскину, промурлыкал Пашка. – Я барабашка смиренный. Не люблю только, когда мне на хвост наступают!

Благодаря удачному Пашкиному зачину, кошачьи истории посыпались со всех сторон, а Москва с ее высотками и торгово-строительными центрами осталась позади. Вдоль дороги уже тянулась вереница величавых елей, прерываемая время от времени населенными пунктами с кичливо выставленными объявлениями: «Продается участок земли».

– Объясните мне толком, куда мы едем, – потребовал Пашка, когда кошачьи истории закончились. – А то этот Сочиняйка затащил меня в вашу варезку, ничего не объясняя.

– Не в варезку, – уточнил приятный тенорок Сергея, – а в теремок.

– А, ну да, – не возражал Пашка, – это я «варезку» раскрыл и на Сочиняйкины уговоры поддался.

– А где же все-таки он тебя нашел? – спросила Настя.

– Да я сам ему позвонил по старой дружбе, – чистосердечно признался шутник. – Я тогда обкурился и в Вавилон попал. Ходил-ходил, а выхода все нет и нет. Ну, Ванька в интернет забрался и по карте меня водил. Подсказывал, где направо, а где налево.

Все дружно рассмеялись.

– Вот-вот! А мы уже давненько не ходили на борьбу с рекламой курительных смесей, – сказала Настя.

– Так это *вы* телефонные номера на тротуаре краской заливаете? – поинтересовался Пашка.

– Да не только мы! Но на всех этих «рекламодателей» волонтерских рук не хватает! И почему только полиция этим не занимается?

– Да прям! Это же так, легкотня! – сказал Пашка недовольным тоном, потому что от этих разговоров ему страх как захотелось курить.

– Ага, – пробасил Володя, – скажи еще, что эта твоя «легкотня» полезна для тела и души, как «поют» продавцы эзотерических магазинов и «щебечут» модераторы на форумах психоактивных веществ.

– Знаете, – включилась Настя, – эту гадость уже продают под видом соли для ванн. От нее, конечно, энергия бьет фонтаном, речь без остановки, танцы-шманцы до упада, а в резуль-

тате – почти мгновенное привыкание, быстрое истощение организма, вследствие нечеловеческих перегрузок, и параноидальный психоз, который не только до Киева, но и до Вавилона доведет!

«Дойдя до Вавилона», Настя резко обернулась и подозрительно посмотрела на Пашку.

Ваня увидел конкретный вопрос в ее глазах и поспешил отвлечь внимание присутствующих от своего горе-путешественника.

– Знаете, а я пришел к выводу, что тяга к эйфории у современной молодежи – не что иное, как глубинная тоска души по молитве.

– Ну, Ванька, – бурно отреагировал Пашка, – с твоей буйной фантазией тебе точно никаких грибов не надо!

– Причем тут фантазия? – продолжал Ваня. – Есть замечательный документальный фильм «Тайна живой воды», в котором показан научный эксперимент по отслеживанию ритмов мозга человека. Представляете, до недавнего времени считалось, что существует два вида работы мозга – бодрствование, резкая синусоида, и сон, более пологая синусоида. Но, когда сняли энцефалограмму у монаха во время молитвы, аппарат показал прямую линию, без всякой синусоиды! И это при абсолютном бодрствовании молящегося человека!

– И что из этого? – спросил Пашка, подняв брови.

– Это говорит о том, что есть еще и третье состояние мозга – молитва, беседа с Богом, – объяснил Ваня и продолжил: – Более того, это третье состояние мозга так же необходимо человеку, как и два другие – бодрствование и сон. Душа без молитвы высыхает. А если страдает душа, то страдает и тело, поэтому человек начинает искать мистические состояния для утоления жажды, и попадает на ту или иную «иглу».

– Так вот оно что, – глядя в окно, задумчиво произнесла Настя. – Получается, что молитва оживляет душу, как вода превращает растрескавшуюся землю пустыни в цветущий оазис.

– А весь мощнейший научно-технический потенциал современного обезбоженного мира, – добавил Сергей с видом профессора на лекции, – направлен на то, чтобы развлечь человека. И знаете почему?

– Ну, и почему? – перекинул его Пашка, потому что терпеть не мог серьезных разговоров.

– На плотском уровне любые развлечения нужны для того, чтобы отвлечь разум человека, ну, чтобы отучить его думать. Человек развлекающийся – это уже не человек разумный!

Разговор на какое-то время прервался. Все уставились в окна, а Пашка, сидевший посередине на заднем сидении, заскучал.

Когда Ваня оторвал взгляд от окна, то увидел соседа, сидящим с закрытыми глазами и руками, разведенными в стороны.

– Эй, ты что, медитируешь? – спросил он, толкнув Пашку локтем вбок.

– А че, прикольно! – оживился «йог». – Это жена моего папы по вечерам так сидит в позе лотоса!

– Тетя Оля? – удивился Ваня.

– Нет, тетя Оля давно покинула нашу «тихую гавань», – с притворным огорчением выдохнул Пашка.

– Думаю, не без твоей помощи, – подмигнул Ваня, взглянув на Пашку в зеркало на лобовом стекле.

– А как же! – ответил тот, гордо вскинув голову.

– И кто же теперь жена твоего папы? Не твоя ровесница, надеюсь?

– Нет, она лет на десять меня старше. Но эта еще хуже! – Пашка снова вздохнул, но уже без притворства. – Тетя Оля хоть пирожки пекла, супы, борщи варила, а эта только по салонам, фитнесам и йогам бегает.

– Так ты вместе с ней медитируешь? – спросила Настя.

– Нет, конечно! – хихикнул Пашка. – Я только ей рожи корчу! Особенно мне нравится, когда она в позу льва садится. Пальцы растопырит, язык высунет, глаза вытаращит! Вот тут-то я и начинаю! Она не выдерживает: то смеется, то злится! Папе на меня жалуется! А вообще-то дура-дурой!

– Так она тебе еще приплачивать должна, – вступил в разговор Володя.

– Это за что же? – оживился Пашка.

– За то, что ты ей в ловушку бесовскую попасть не даешь!

– Не понял, – глаза у Пашки загорелись. – Подробней, пожалуйста.

Он уже прикидывал, какую сумму можно будет взять с папиной пассивности.

– Я когда-то с бабушкой разговаривал на эту тему, – сказал Володя, посмотрев на сидящих сзади в зеркало, – так как сам пробовал медитировать. Бабушка мне объяснил, что медитативные практики подобны сыру в мышеловке: сначала увлекают медитирующего возникающей наркотической эйфорией или удивительными видениями, но, когда «пружинка срабатывает», душа оказывается в плену у бессознательного влияния, освободиться от которого уже почти невозможно.

– А я читала, – оживилась Настя, – что медитация – это пассивное состояние, типа духовного паралича. Человек как бы открывает настежь двери своей души и говорит: «Заходи, кто хочешь». И заходят демоны, падшие духи, возбуждая в человеке всевозможные страсти, в первую очередь, превозношение и чувство собственной исключительности, тогда как молитва – это опыт встречи с личным Богом как Святым Существом, которая начинается любовью и ведет к покаянию.

– Как замечательно ты сказала! – похвалил Настю Ваня и полез в карман ветровки. – Я должен записать, чтобы не забыть.

Машина резко затормозила, потому что водитель, отвлекшись, пропустил нужный им поворот направо.

– Во-во! Ты бы лучше на дорогу смотрел! – возмутился Пашка: ему никак не удавалось установить связь между ожидаемой «мздой» и услышанной «бредятиной».

Дав задний ход, Володя исправил ошибку.

– Человек открывает двери своей души, – Ваня продолжал размышлять над сказанными Настей словами. – А изобретатели коллайдера не скрывают своего намерения открыть двери Земли темной силе. Получается, что коллайдер это что-то типа мантры теоретических физиков. Суть любой мантры – в призывании того или иного беса, которого йоги называют «источником силы мантры». Физики своими экспериментами призывают бога-разрушителя Шиву, потому что именно его статую они водрузили в центре установки, и целью этих физических экспериментов является открытие человечеством двери в бездну...

Пашка притих и уткнулся взглядом в лобовое стекло.

– Слушайте, – сказал он, погодя, – давайте сделаем остановку минут на пять, ноги размять!

– И покурить, – добавила Настя, с укором посмотрев на просителя.

– Ну, если *ты* так хочешь, то и покурить, – сказал Пашка и отвернулся.

Машина остановилась, все вышли на улицу, а виновник остановки, отойдя подальше, раскурил сигарету и с удовольствием глубоко затянулся.

– Хорошо-то как! – воскликнула Настя и распростерла руки. – Мальчики, вы чувствуете, какой здесь воздух? Дышишь, и дышать хочется! Не то, что в Москве!

– Дальше еще лучше будет, – сказал Володя, уже не впервые проезжавший этим маршрутом.

– Ваня, – спросила Настя, – а у тебя есть что-нибудь новенькое почитать?

– Я сейчас в цейтноте, – ответил Ваня, с трудом отрывая взгляд от колоритного пригорка в стороне от лесополосы. – Только на спор недавно написал маленький детектив.

– Детектив? – удивилась Настя. – Ой, а у меня есть одноклассница, любительница детективов. Пришлешь?

– Конечно, пришлю, но только это не совсем детектив, сама понимаешь.

– Именно то, что надо! – обрадовалась Настя. – А то она девчонка и хорошая, и умная, а читает всякую ерунду.

– А инопланетяне, по-вашему, тоже бесы? – спросил заметно повеселевший после перекура Пашка.

– А кто же еще? – ответил Ваня вопросом на вопрос.

– Перекур закончен, – объявила Настя и скомандовала: – Экипаж, занять свои места!

– Только теперь у окна сяду я! – выкрикнул Пашка и первым залез в машину, открыв дверцу слева.

– Может, тебе *мое* место уступить? – спросила Настя.

– Не надо, – буркнул уязвленный Пашка, – пусть Ванька теперь посередине посидит.

После остановки какое-то время ехали молча, пока Пашка не вспомнил о прерванной теме.

– А я по РЕН Ти Ви передачу видел. Там говорили, что даже в Библии упоминается о похищении человека инопланетянами.

– Я знаю, о чем ты, – улыбнулся Ваня. – Мне уже об этом рассказывали. Только я, в отличие от тебя, не поверил на слово, а открыл Библию и нашел это место в Бытии. Хочешь узнать, что там написано?

– Ну, – протянул Пашка.

– Всего одно предложение: *И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его.*

– И это все? – удивился Пашка. – А почему тогда они говорят...

– А ты больше слушай, – перебил его Володя, – *что* там по телевизору говорят.

– Вообще-то Енох действительно был восхищен на небо живым, – продолжил Ваня.

– А тебе это откуда известно? – Пашка недоверчиво посмотрел на соседа.

– У Апостола Павла в «Послании к евреям» сказано, что Еноха Бог переселил так, что не видел он смерти, ибо прежде переселения своего получил свидетельство, что угодил Богу. И сделано это было потому, что надлежит седьмому от Адама допотопному праведному Еноху и слепопотопному пророку Илии вернуться на землю при антихристе для последней проповеди спасения среди заблудшего народа Божия *и быть убиту.*

На этом трагическом предсказании разговор прекратился и так и не возобновился до прибытия на место.

«Странные они какие-то, – думал Пашка. – Ну, Ванька, понятно, он во время комы чего только не насмотрелся! Но *эти*? Им-то *что* мозги набекрень сдвинуло? А девчонка эта сероглазая, такая живая, настоящая, не то, что куклы размалеванные из соцсетей – все на одно лицо!»

«Окажется ли друг мой Пашка тем медведем, что разрушит наш „теремок“, – думал Ваня, – или найдет его грешная душа себе здесь приют? Господи, – беззвучно молился он, – помилуй неразумного Павла и приведи его к Себе».

Глава 5. Дом Мадонны

Как только машина остановилась, Пашка первым выскочил наружу и, раскурив сигарету, скрылся из виду. Когда он вернулся, у машины оставался только Володя, возившийся в опустевшем багажнике. Хлопнув дверцей, он кивнул перекурщику в сторону входной двери и сказал: «Давай, заходи».

Они вошли в большой деревянный дом, построенный католиками, собиравшимися пустить корни на земле некогда православной русской глубинки. После их выдворения дом был превращен в социально-адаптационный центр для выпускников детских домов, который по-прежнему называли Домом Мадонны.

– У нас здесь босиком ходят, – сказал уже разувшийся руководитель центра Миша, невысокий, черноволосый, со смуглым лицом, встретивший приехавших на улице.

– У нас же нет тапок на всех, пусть в обуви заходят, потом протрем, – худощавый, ростом чуть выше Миши, черноусый парень с прямым открытым взглядом по имени Владик дружелюбно улыбался.

Миша согласился и, слегка прихрамывая, повел гостей на второй этаж.

– Мы все выпускники детских домов, – говорил он, медленно поднимаясь. – Организовались, чтобы помогать друг другу выживать. Вот здесь у нас поселились девочки, – сказал он и открыл дверь одной из комнат.

– А что подразумевается под социальной адаптацией? – спросил Ваня.

– Из детдомов и интернатов молодые люди выходят совсем не приспособленными к самостоятельной жизни и, как правило, не имеют понятия, что такое деньги, как и на что их тратить. Могут полученную от государства помощь в один день просадить на аппаратуру, а как дальше жить? Сдать квартиру? Так и это нужно уметь! Они могут сойтись на десяти тысячах вместо возможных двадцати пяти. Вообще беда бывших детдомовцев в том, что они за годы жизни в интернате приучаются к халяве.

– Оказывается, не только сынки обеспеченных родителей страдают этой болезнью, – шепнул Ваня на ухо Пашке.

– Воспитанников интернатов не приучают к труду, – продолжал Миша, – так как сейчас это считается «эксплуатацией детского труда». Поэтому приходится их здесь всему учить: и деньги считать, и квитанции заполнять, и за собой ухаживать. Вот здесь у нас библиотека, компьютер и столы для занятий, – Миша ввел гостей в большую комнату, вдоль стен которой тянулись стеллажи с книгами. – Но главное в нашей деятельности, конечно же, оказание помощи попавшим в тяжелую жизненную ситуацию. Неприспособленные к жизни молодые люди становятся легкой добычей разных мошенников, пасуют перед бюрократией, и в таких случаях, кроме нас, помочь им некому. Идемте, я покажу вам нашу столярную мастерскую, – улыбнулся Миша. – А потом будем пить чай.

Руководитель центра неровной походкой первым пошел к лестнице, ведущей на первый этаж, за ним гуськом потянулись приезжие.

Пашка шел последним. У него перед глазами стоял большеротый, просто одетый Миша. Весь его облик, кроме грустных, глубоко посаженных глаз на непривлекательном лице, вызывал у Пашки необъяснимое чувство отвращения, поэтому в мастерскую он не пошел, а остался на улице, чтобы еще раз перекурить.

– Столяркой можно было бы зарабатывать на обеспечение наших нужд, – донесся до него голос Миши, вышедшего на улицу из мастерской, – но материал для нас пока непомерно дорогой. Мы пробуем себя в разных видах деятельности, но пробиться, сами знаете, нелегко, а помощников у нас мало.

Гости вернулись в трапезную и стали рассаживаться на лавках вдоль длинного деревянного стола, на котором уже были разложены по тарелкам привезенные ими же печенье и конфеты.

– Здесь посуда, – Владик показал рукой на другой столик у стены, – на сковородке – гречка с жареным луком, в миске – винегрет. Накладывайте сами – у нас самообслуживание. Чайник, чашки и пакетики с чаем тоже здесь. Приятного аппетита, – добавил он и вышел.

Проголодавшиеся гости засуетились у стола с угощением и вскоре застучали вилками.

– Какой вкусный винегрет! – воскликнула Настя.

– Я тоже как раз об этом думаю, – добавил Пашка. – Такого вкусного винегрета я никогда еще не ел!

– Вы посмотрите, как мелко нарезаны овощи! – добавила Настя и отправилась за добавкой.

Пашка, до сего момента изображавший из себя скучающего лорда Байрона, радостно вскочил и поспешил последовать ее примеру.

– Знаете, что поражает, – продолжил Миша после небольшой паузы, – помогают только те, кто пережил личное горе, особенно те, кто потерял детей. Бывают, правда и чудачки, надеющиеся за деньги место в раю купить.

Все рассмеялись, а Миша продолжал:

– Но бывают очень интересные моменты. Мы как-то везли детей из интерната в Кремль на елку, где их ожидали новогодние подарки. Времени у нас было в обрез, но дети, увидев по дороге храм, попросили сводить их туда. Причем не то, что один кто-то или два просили, а все дети: «В храм хотим!» И все тут. Ну, остановились мы, в храме дети все посмотрели, к иконам приложись, а в Кремль, конечно же, опоздали. Но в результате все хорошо закончилось, даже лучше, чем мы ожидали. Посещение Кремля нам на следующий день организовали, и подарки в тот день были намного лучше, чем приготовленные для детей – сирот.

– Вы помогаете в тяжелых жизненных ситуациях. А что конкретно имеется в виду? – Это был приятный тенорок Сергея.

– Сами понимаете, что денег на взятки у нас нет. Поэтому приходится действовать очень решительно. Например, одного нашего парня однажды за решетку посадили, никаких объяснений не давали. Так Федя, душа нашего Центра, в милиции пристегнул себя наручниками к перилам и сказал, что не уйдет, пока не получит объяснения. Я тоже, если мне нужно куда-то попасть, могу день, два, хоть трое суток ждать, но своего добьюсь. Вот Федя сейчас в больнице лежит с переломом позвоночника. В операции ему отказали. Так я до министерства дошел, и нашли-таки ему титановую пластину, и операцию уже сделали.

– А что с ним случилось? – спросила Настя.

– Да брат его младший познакомился с каким-то парнем, ничего никому не сказал, ушел и пропал. Федя стал выяснять, ему адрес один дали. Он туда пошел, а нашли его сброшенным с третьего этажа новостройки. Вот сейчас ему на реабилитацию требуется много денег. Мы уже все карманы и заначки вытряхнули. Голодаем, можно сказать. Так что ваша помощь – очень кстати. Большое вам спасибо.

Ошарашенные услышанным, гости понуро опустили головы. Даже на Пашку подействовал рассказ о Феде и его брате.

«Какой же я дурак! – думал он. – Я же просто мешок с дерьмом по сравнению с этими парнями!»

В этот момент щелкнул выключатель электрического чайника, и Настя взяла на себя обязанности по приготовлению чая, а разговор снова вернулся к лежащему в больнице Феде, которому по причине перелома позвоночника нужна была квалифицированная сиделка.

– И вообще, – тяжело вздохнув, сказал Миша, – скольким людям Федя помог! Но, когда с ним случилась беда, никто из них не откликнулся. И это просто добивает!

– Вот возьми для Феди, – Ваня вынул из кармана на всякий случай припасенную тысячу и положил ее на стол.

Его примеру последовали все сидящие за столом. Пашка, обследовав карманы, нашел у себя только пятьсот рублей и с чувством искреннего сожаления добавил их к лежащей на столе кучке.

– Миша, я же не знал, что деньги будут нужны, – оправдывался он. – Но мы встретимся, когда ты будешь в Москве, и я тебе больше дам. У папы попрошу, пусть и он раскошелится.

Когда после чаепития все вышли на улицу, Ваня шепнул Пашке на ухо:

– Ты как, не против, поискать Федино брата?

– А чё, это идея! – оживился Пашка.

Они подошли к Мише и отвели его немного в сторону.

– Миша, – начал Ваня приглушенным голосом, – не мог бы ты у Феди адрес этот узнать?

– Ребята, может, не стоит? Хватит нам одного Феди! – разволновался Миша.

– Нет, ты не думай, мы на рожон не пойдем, – успокоил его Ваня. – Мы остороженько. Понаблюдаем издалека, поспрашиваем, а потом посмотрим. Может, тропочка и приведет нас, куда надо.

– Ну, хорошо. Я спрошу у Феди и позвоню.

Они обменялись номерами телефонов и подошли к машине.

– Спасибо вам, что приехали и поддержали нас в трудную минуту, – сказал Миша, обводя взглядом готовящихся к отъезду гостей.

Машина тронулась, и вскоре светлый деревянный дом остался только в воспоминаниях.

Назад ехали молча. Каждый думал о своем.

Мысли Вани постоянно возвращались к трагическому событию, произошедшему в Доме Мадонны:

«Познакомился с каким-то парнем и, ничего никому не сказав, ушел и не вернулся. Разве это не странно? Его могли чем-то заинтересовать, могли предложить помощь. Их же легко обмануть, Миша сам говорил. А, может, это секта? Но почему его не отпускают и зачем так жестоко обошлись с Федей?»

– Ванька, слушай, – прошептал Пашка, – у меня уже руки чешутся! Как же хочется найти этих ублюдков!

– Вы о чем это там шепчетесь? – спросила Настя.

– Ребята, а у нас по пути будет источник в Радонеже, – ушел от ответа Ваня. – Может, окунемся?

Настя поддержала идею, но Володя с Сергеем отказались. Пашка вообще никак не прореагировал.

Когда проехали Сергиев Посад, было уже темно, и Настя стала колебаться, но Ваня продолжал настаивать на заезде в Радонеж. Володя не возражал, и машина завернула на дикое поле, но, не проехав и двадцати метров, забуксовала в рытвинах, оставленных колесами регулярно сворачивающих сюда машин.

Все, кроме водителя, вышли из машины. Ваня, Сергей и Пашка, выстроившись вдоль багажника, приготовились толкнуть «технический прогресс, попавший в тяжелую жизненную ситуацию».

После первого «ухнем» Пашка по щиколотки промочил ноги. На втором «ухнем» он, чертыхаясь, с яростью накинулся на машину, но яма была слишком глубока. Володя покинул свое водительское место и пошел искать ветки под колеса. Когда он вернулся, Настю посадили за руль, а «великолепная четверка» ухнула еще раз, и вязкая жижа, нехотя, отпустила свою добычу.

Дальше ехать Володя отказался и Ваня, взяв Настю под руку, повел ее по направлению к источнику.

– Эй, подождите меня! – раздалось у них за спиной.

– Ты все-таки решил попробовать? – спросила, улыбаясь, Настя.

– Так ноги все равно уже мокрые, – весело ответил Пашка. – Но, если честно, мне страшновато.

Они шли по полю, старательно обходя пропитанные влагой места, и поддерживали с двух сторон хрупкую спутницу. Холодный ветер дул им в лицо.

– Слушайте, вроде, ветра не было, – сказал Пашка, – а здесь такой ветродуй!

– Злые силы делают все, чтобы не допустить нас к источнику, – сказал, улыбаясь, Ваня.

– Но, похоже, они перестарались, – хихикнул Пашка. – Благодаря им я промочил ноги!

За деревьями показался небольшой домик со светящимся окошком. Пашка притих. Вскоре под ногами появились ступени, домик остался в стороне, а перед ними возникла деревянная купель с черными зеницами маленьких окон.

– Настя, ты иди первая, а мы с Пашкой здесь стоять будем, чтобы никакая злая сила к тебе не подобралась, – пошутил Ваня.

Настя скрылась за дверью, в окнах теремка вспыхнул свет, а Пашка, стуча зубами, спросил:

– А вода там очень холодная?

– Ну, если и очень холодная, тебя это испугает? – Ваня пристально посмотрел Пашке в глаза. – Девчонка пошла, а ты сухой вернешься?

– Да нет, конечно! Если бы не эта девчонка, я вообще с вами не поехал бы! А так и в ледяную воду из-за нее придется прыгнуть!

В этот момент из «теремка» донеслось «Господи, помоги!», Пашка вздрогнул и закусил губу.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – сказал Ваня и слегка толкнул плечом приунывшего друга. – Это тебе не под кайфом по Вавилону шататься!

– И чего я, дурак, на твою приманку клюнул! – сказал Пашка и сплюнул на землю.

– Эй, а вот это ты зря, – очень серьезно заметил Ваня. – Земля, на которой ты стоишь, святая есть.

Пашка хотел опять возмутиться, но в это время дверь приоткрылась, и из-за нее показалось мокрое, но счастливое девичье лицо.

– Мальчики, заходите! Я еще полуодета, но вы на меня не смотрите, и проходите вовнутрь. Так быстрее будет!

Пашка и Ваня, повернув головы к стене, прошли через маленький предбанник к купальне. Ваня громко прочитал «Отче наш» и крикнул Насте через стенку:

– Давай будем петь «Богородице Дево, радуйся».

Настя тут же запела, а Ваня, раздевшись, стал спускаться по железной лестнице в воду.

– Ты смотри и сделаешь все, как я, – крикнул он Пашке и, крестясь во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа, трижды погрузился в воду.

Когда Ваня, такой же мокрый и счастливый, как Настя, вылез из купальни, Пашка спросил его дрожащим голосом:

– А слова эти обязательно говорить?

– Конечно! – ответил Ваня, сияя. – Так все делают, и ты делай!

Бубня себе под нос «Ой, мамочка, роди меня обратно», Пашка стал спускаться по лестнице над дышащей холодом водой. Коснувшись пальцами ног воды, он подскочил, как ошпаренный, но Ваня, стоявший у края купальни, ступил на первую перекладину лестницы, отсекая Пашке путь для отступления.

– Боже, помоги! – заорал Пашка во все горло и, поспешно крестясь, прыгнул в воду. Вынырнув с бешеными глазами, он, забыв перекреститься, нырнул еще раз, потом еще, и пулей

выскочил из воды, задыхаясь, как если бы ему пришлось пробежать стометровку за две с половиной секунды.

– Молодец! – похвалил его Ваня. – Для первого раза и так сойдет.

– Слушай, мне даже не верится, что я это сделал! – посиневшие губы Пашки растянулись в блаженной улыбке.

– Ну, и как тебе ощущения?

– Как если бы меня на сковородке поджарили!

– Ну, думаю, поджарили как раз не тебя, а того беса, который тебя на разные глупости подталкивает, – сказал Ваня, натягивая брюки. – Давай, одевайся, а то ребята ждут.

Когда они вышли на улицу, холодный ветер тут же прильнул к их горящим щекам.

– Э, злые силы, зря стараетесь! – весело крикнул Пашка. – После этого окунания, нам уже ничего не страшно, правда?

– Ой, хорошо-то как! – ответила Настя и одарила Пашку восхищенным взглядом.

– А давай споем нашу любимую! – предложил Ваня.

Взявшись за руки и забыв обо всем на свете, свободные и счастливые, два парня и девушка шли по дикому полю, не обращая внимания на хлюпающую под ногами жижу, и пели, как умели, задушевную русскую песню. Пашка слов не знал, но подхватывал повторяющиеся строчки, а наиболее полюбившиеся ему пел громче всех:

– Только мы с конем по полю идем, потому что я в Россию влюблен!

Глава 6. Маленький принц

В среду вечером Ваня и Пашка встретились на Новокузнецкой, потому что дом, за которым им предстояло понаблюдать, находился именно там. Когда они стояли на переходе в ожидании зеленого света светофора, Пашка вдруг удивленно воскликнул:

– Кого я вижу! Чует мое сердце, что сегодня дежурство наше не состоится!

Ваня посмотрел по направлению Пашкиного взгляда и увидел Настю в сопровождении интересной рыжеволосой девушки, которую он раньше никогда не видел. Загорелся зеленый свет, но Пашка притормозил своего товарища:

– Куда ты? Мы их *здесь* тепленькими возьмем!

Настя и ее подруга о чем-то оживленно разговаривали, не замечая обращенных на них взглядов.

– И куда это мы так торопимся? – Пашка перегородил Насте дорогу.

– Ой, мальчики! Надо же так встретиться! Вы что тут делаете? Ты его опять из Вавилона вывел? – обратилась она к Ване.

– Нет, я его экскурсоводом нанял, потому что пишу очерк об этом древнем царстве.

– Познакомьтесь, это моя одноклассница. Мы с ней тоже минут десять назад случайно встретились.

– Это же надо! – воскликнул Пашка. – Столько случайностей в один день! Вам не кажется, что это судьба? А сейчас, – тоном заправского экскурсовода продолжил он, – посмотрите на этот фонтан, в центре композиции которого расположены Адам и Ева под злополучным деревом в момент совершения греха. Они поставлены здесь, рядом с оживленной станцией метро в центре столицы, как напоминание всем нам грешным о том... – Пашка сделал паузу и игриво подмигнул девушкам, – что ничто человеческое нам не чуждо!

– Так, Пашку понесло, – сказал Ваня и предложил посидеть в кафе. – Настя, а как же зовут твою одноклассницу? – спросил он. – Ты нам ее так и не представила.

– Да? Ой, простите! – ответила Настя, стараясь не замечать восхищенного Пашкиного взгляда, обращенного на нее. – Это наш Лорик.

– Лорик? – удивился Ваня. – Такой девушке больше подходит имя Лариса, – добавил он и пристально посмотрел на Настину знакомую, отчего та смутилась.

– Ну, кому Лариса, а кому, как привычнее, – махнула рукой Настя. – Лорик, имя этого «экскурсовода» ты уже слышала, а это Ваня. Кстати, это *его* рассказ я обещала тебе выслать.

Настина спутница многозначительно посмотрела на представленного ей молодого человека и сказала:

– Меня, действительно, зовут Ларисой, но все почему-то называют меня Лорой.

– Меня, кстати, зовут Павлом, но все почему-то называют меня Пашкой, – «экскурсовод» так удачно изобразил печального Арлекина, что все рассмеялись.

Настя была совершенно не похожа на свою спутницу. На ней была черная юбка до колен и кофточка из тех фасонов, что подойдут к любому поводу. Лора же была одета дорого и стильно. Все было продумано: цвет сумочки в цвет туфель, легкий макияж, платье наподобие тех, что выставляют в витринах бутиков.

«Красивая, огненная, глаза с поволокой», – заметил про себя Ваня.

Что-то во внешности новой знакомой взволновало его, как если бы они уже где-то встречались.

На Лору тоже произвели впечатление широкие плечи Настиного «писателя», русые волосы до плеч, простое, но привлекательное лицо. Он был на голову выше ее, и в нем чувствовался настоящий мужской стержень, которого так не хватает современным молодым людям.

«Светлый, мужественный, добрый» – подумала Лора.

Пашка пристроился справа от Насти и взял ее под руку.

– «Экскурсовод», – окликнул его Ваня, – вам не кажется, что вы отвлеклись от темы?

– Да? – удивился Пашка. – А она была?

– Он уже и тему забыл, – развел руками Ваня. – Ты не очень-то засматривайся на эту девушку, потому что она твоя совершенная противоположность.

– Ну, и что? Ты забыл о единстве противоположностей? А еще сценарист!

– А что тогда делать с их борьбой?

Пашка, махнув рукой в сторону Вани, ответил:

– Слышишь, ты? Занимайся своим Вавилоном, а мне не мешай налаживать личную жизнь.

– Ну, Настя, – наигранно вздохнул Ваня, – ты пропала!

Когда они пришли в кафе, Пашка был сама галантность. Предложив всем заняться выбором столика, он пошел делать заказ.

– А что, Ваня, – отметила Настя, усаживаясь, – твой Пашка очень даже милый.

Ваня промолчал, но при этом как-то очень загадочно улыбнулся.

«Какая улыбка, – подумала Лора. – Голливуд просто отдыхает!»

– Девочки, – торжественно произнес Пашка, усаживаясь на свое место, – когда я ем, то глух и нем, поэтому прошу *вас* рассказать что-нибудь интересенькое.

– Это по части Лоры, – перевела стрелку Настя. – Она у нас начитанная. Лорик, расскажи мальчикам что-нибудь из твоих английских историй.

– Вы знаете, где была изобретена игра в теннис? – спросила Лора, польщенная Настиним комплементом.

– В Англии, наверное, – сделал предположение Ваня.

– Нет, во Франции. И интересно, что мяч поначалу отбивали просто ладонями. Это уже Тюдоры, после того, как построили первый закрытый корт в своем Хэмптонском дворце, стали использовать что-то типа ракеток.

– Это Генрих VIII и компания? – спросил Ваня.

– Он самый, – ответила Лора и улыбнулась. – Знаете, как они называли нулевой счет?

Все, за исключением Пашки, занятого мороженым, отрицательно покачали головами.

– Французы использовали слово «яйцо» из-за его схожести с нулем, а звучало оно почти, как английское «любовь» – *l'oeuf*.

Пашка, услышав последнее слово, перевел взгляд на Настю, и ложечка в его руке застыла на полпути ко рту.

– Как интересно, – улыбнулся Ваня. – А ты откуда это знаешь?

– А я там была. Ну, я в спецшколе училась, и родители посылали меня в Англию совершенствовать язык.

– Ты совсем современная девочка. А вот я в английском не очень.

– Но это не беда! Могу тебе помочь, без проблем, – небрежно предложила Лора и мысленно похвалила себя за удачный ход.

– Ну, спасибо. Ловлю на слове, – снова улыбнулся Ваня и посмотрел на собеседницу так пристально, что у той екнуло сердце.

– Настя, а у *тебя* как с английским? – поинтересовался Пашка.

– У меня? Тоже не очень.

– Ну, так *я* тебе помогу! – обрадовался Пашка. – Без проблем! Меня папа с детства репетиторами мучит... Лорочка, – переключился он на Настину подругу, – мне очень понравилась твоя история про «love». Продолжай, пожалуйста.

– Говорят, что третья и пятая жены Генриха, – продолжала Лора, – стали привидениями.

– О, это интересно, – оживился Пашка.

– В Хэмптоне одна из галерей так и называется «Посещаемая привидениями». По этому длинному коридору, крича и визжа, бежала пятая жена Генриха, Катрин Хоуард, получив приговор к смерти на плахе за измену королю. Перед казнью, ожидая отправки в Тауэр, она вырвалась из рук охранников и с криком вбежала в часовню, где на коленях молился Генрих. Она умоляла мужа о помиловании, но король не обращал внимания на ее просьбы. Катрин грубо оттащили, и приговор был исполнен.

– Настя, ты слышала? – Пашка сделал очень серьезное выражение лица. – Будешь из меня кровь пить, отправлю тебя к Генриху Восьмому!

Все рассмеялись, а Настя с видом страдальницы спросила:

– И что, эта несчастная женщина стала призраком?

– Да, – Лора с сожалением кивнула головой. – Говорят, время от времени женская фигура в белом подходит к тому месту в часовне, где Генрих стоял на коленях, а потом, как обезумевшая, убегает прочь, не переставая кричать.

– Пашка, как же мне тебя жалко! – сказала Настя, с трудом сдерживая улыбку.

– Дорогая, – видимо, подражая своему папе, ответил Пашка, – я понял свою ошибку и передумал отправлять тебя к этому английскому узурпатору.

– Вот так-то лучше! – с победоносным видом подытожила Настя.

Все дружно рассмеялись.

– А еще могу рассказать вам о Джоконде! – воскликнула разругавшаяся Лора.

– О Джоконде, так о Джоконде, – согласился Пашка, – хоть моя Настя совсем на нее не похожа.

– Зато ты, когда серьезный, очень даже на нее похож, – пошутила Лора.

– Неужели? – искренне удивился Пашка. – А я-то голову ломаю, почему это мне так противно быть серьезным!

– Да ладно тебе! Ты в любом виде хорошенький, – сказала Настя.

– Ну, и что там Джоконда? – Ваня попытался отвлечь внимание присутствующих от Пашки.

– Существует кошачья гипотеза, объясняющая тайну ее загадочной улыбки, – ответила Лора. – Леонардо да Винчи в процессе работы над феноменом огненных глаз, пригласил одну даму, хозяйку живописного кота, поучаствовать в эксперименте. В глазах кота, сидящего на коленях дамы, по замыслу художника, должен был отразиться огонь свечи.

– Я ужас как н-не люблю эксперименты, – по-кошачьи промурлыкал Пашка.

– Коту флорентийки Моны Лизы они тоже были не по душе, – улыбнулась Лора. – Растянувшись на руках хозяйки, он закрыл глаза и сладко заснул. Когда же Леонардо зажег свечу и попросил свою модель разбудить кота щипком, пушистый любимец вскочил, перевернул мольберт, вылетел в окно и бесследно исчез.

– На его месте я сделал бы то же самое, – обиженно произнес Пашка и потерся щекой о Настино плечо.

– Зато улыбка флорентийки, тоскующей о своей пропаже, прославила Да Винчи на все века, – подытожила Настя и оттолкнула плечом голову чересчур осмелевшего ухажера.

– Знаете, – продолжил Ваня, – я читал, что эта картина способна доводить впечатлительных людей до обморочных состояний. Первым таким человеком из публики стал писатель Стендаль. И великий Леонардо, кстати, почему-то не захотел расстаться с заказной работой и оставшиеся шесть лет жизни часами смотрел на свою «Джоконду», дрожащей рукой внося поправки.

– Почему дрожащей? – удивилась Лора.

– Потому что все эти шесть лет его преследовала меланхолия, слабость и изнеможение...

– Картина вампир? – Лора широко открыла глаза.

– О, Ваня, ты наступил на нашу больную мозоль! – с тяжелым вздохом сказала Настя.

– Не понял?

– Вампиры и всякого рода мистика – любимая тема нашего Лорика!

– А что в этом плохого? – В голосе Лоры появились нотки раздражения.

– Ну, это сейчас очень модно, – задумчиво произнес Ваня, – хоть и не полезно.

– Вот, вот, объясни ей, – оживилась Настя.

– От такого типа продукции, – Ваня сделал небольшую паузу, – я бы не применил в данном случае слово «искусство» и «литература», случаются страхи и тревожные расстройства. Мне об этом, кстати, один психотерапевт рассказывал. Он сказал: «Современное общество серьезно больно. Психически нездоровые люди создают произведения, калечащие психику миллионов людей, и, в первую очередь, молодых».

– Ты считаешь меня больной? – Заданный вопрос прозвучал довольно дерзко.

– Да как я могу, Ларисочка? – Ваня поспешил загладить неправильное впечатление от своих слов. – Я же не врач! Это психотерапевт мне рассказывал о своей пациентке, которая спала ночью со светом, потому что боялась, как бы какой-нибудь из любимых героев не схватил её за ноги, как только они высунутся из-под одеяла.

– Прикольно, – хихикнул Пашка и с интересом посмотрел на свои вытянутые под столом ноги.

– Содержание современных книг и фильмов, – продолжал Ваня, – зачастую, таит в себе глубокий *внутренний конфликт*. Возьмем, к примеру, «Сумеречную сагу». Читатель или зритель умом понимает, что любовь между человеком и вампиром противоестественна, но романтика его увлекает. Романтизированный образ зла не пугает. Более того, он нравится! Тогда на подсознательном уровне срабатывают механизмы защиты:

«Не может этого быть! Любовь это добро! Любовь это свет! Любовь это тепло!»

Но у зараженного сознания свои доводы:

«Зло – оборотная сторона добра, и вампир тоже может полюбить!»

От таких мыслей начинаются сбои на эндокринном уровне, а негативные мысли, страхи и блоки на тонком плане – то же самое, что вирусы, бактерии и микробы на физическом. Читая, скажем так, неправильные книжки, можно подхватить духовную болезнь, а впоследствии и физическую – ведь, мысль имеет свойство материализовываться.

– Вот с болезнью из-за книжек ты перегулял! – запротестовал Пашка.

– Не веришь? – Ваня вытащил из внутреннего кармана блокнот. – Я тебе сейчас прочитаю, как это объяснил мой знакомый психотерапевт. – Ваня перевернул несколько страниц и, найдя нужную цитату, стал читать: – «Болезнь, физическое страдание человека, есть состояние, при котором негативная энергия превысила критическую черту, и организм как целое вышел из равновесия».

– Ваня, как же хорошо ты все объяснил! – воскликнула Настя. – У меня так не получается.

– Кто на что учится, – отшутился Ваня.

– Так, хватит. Терпеть не могу нравоучения! – Пашка резко встал из-за стола. – Идемте лучше погуляем вдоль набережной.

– Более того, – сказал Ваня, вставая из-за стола, – игры со злом, как правило, заканчиваются его победой. Достаточно вспомнить нашу праматерь: Ева только заговорила со змеем-искусителем и тут же пала сама и мужа за собой потащила.

– Кстати, – несмотря на Пашкино недовольство, Настя решила возобновить прерванную тему, когда они снова оказались на улице. – Мне диакон знакомый рассказывал. Он пытался вытащить одну эльфийку...

– Откуда вытащить? – не понял Пашка.

– Из субкультуры толкиенистов.

– Зачем?

– Не перебивай девушку, – вмешался Ваня.

– Но ничего у него не получилось! Эльфийка влюбилась в байкера, которому нужна была только, как яркая «наездница». Тогда знакомая готка посоветовала ей укусить возлюбленного за шею, чтобы разбудить его чувства. В результате байкер «отъехал» окончательно, а эльфийка, неожиданно подсевшая на вкус крови, ушла к сатанистам.

– И что? – Пашка так и не понял, о чем речь.

– А то, – ответил Ваня, – что данный пример наглядно показывает: зло поработает: была эльфийкой, а стала сатанисткой.

– Так, хватит, – сказал Пашка и взял Настю под руку. – На этом наш лекторий закрывается, и мы просто гуляем по набережной. Вы – в эту сторону, а мы – в ту. Всем все понятно?

Никто не возражал, и Ваня с Лорой, оказавшись одни, какое-то время шли молча.

– И все-таки, – первым прервал молчание Ваня, – хочу предупредить тебя, что девушке с таким цветом волос лучше не увлекаться мистикой, а тем более мистиками.

– Почему это? – поинтересовалась Лора.

– Потому что адепты сатанистских культов используют рыжеволосых девушек для совершения черных ритуалов. Поэтому тебе лучше держаться подальше от всякой мистики.

– Давай постоим у воды, – сказала Лора, чтобы переменить тему, и опершись локтями о парапет, застыла.

– Когда смотришь на воду, душа становится чище, тебе не кажется? – тихо спросил Ваня.

– Кажется! Я только не знала, как это выразить словами. А еще мне нравится смотреть на круги, расходящиеся по воде. Есть тут какие-нибудь камешки?

Они посмотрели по сторонам и нашли на месте разобранной технической конструкции целый клад небольших камешков.

– Давай посчитаем, у кого получится кругов больше. Чур, я первая!

Лора бросила свой камень и насчитала три круга. У Вани получилось на два круга больше. Они весело, как дети, бросали камни и громко считали расходящиеся круги. Лора настаивала на том, что Ваня недосчитывает ее круги и прибавляла к своим достижениям столько кругов, сколько позволял ей благородный рекордсмен.

– Ну, ладно, – подвела она итог соревнованию. – Ты победил, но я на почетном втором месте, причем, совсем с небольшим отрывом!

– Я готов уступить вам, леди, лавры первенства.

– Не возражаю, тем более что венок будет мне к лицу, – сказала Лора холодным тоном английской аристократки, примеряя воображаемую награду. – Как я тебе?

– Просто супер!

Ваня сделал вид, что поправляет венок, и рука его нечаянно коснулась Лориных волос. Что-то типа электрического разряда ударило их обоих, и Ваня поспешно опустил руку.

– Ой, смотри, сколько звезд! А мы и не заметили! – вскрикнула Лора, подняв голову к небу.

– А мы многого не замечаем, – сказал Ваня и тоже поднял голову.

– Видишь, какая большая звезда висит прямо над нами?

– Где? – спросил он, притворяясь, что не видит.

– Ну, прямо над головой!

– Над чьей, твоей или моей?

– Ты что, издеваешься? – Лора обиженно свела брови.

– Как я могу издеваться над такой прекрасной леди, к тому же еще обладательницей лаврового венка?

Лора перехватила пристальный взгляд, скользивший по ее губам, носу, глазам, и у нее слегка закружилась голова.

– А ты любишь смотреть на звезды? – спросила она первое, что пришло в голову.

– Подростком я мог часами смотреть на звездное небо, – задумчиво ответил Ваня, но Маленький принц так и не появился.

– Я тоже читала эту книгу, но как-то не очень поняла, о чем она.

– Это потому, что ты читала эту книгу взрослой.

– Нет, мне было лет четырнадцать.

– А взрослость не зависит от возраста. Это состояние души. «Взрослые не умеют видеть то, чего не видно глазами», – лучше Экзюпери не скажешь.

– Ты имеешь в виду слона, накрытого шляпой?

– Не только. – Ваня немного помолчал, а потом добавил: – Мы с мамой часто играли в игру по «Маленькому принцу».

– Как это? – спросила Лора.

– Посмотреть на мир взрослых детскими глазами. Ну, например, заменить «мне одиноко, у меня нет друга» словами «нарисуй мне барашка».

– А ты можешь нарисовать мне барашка? – неожиданно для себя спросила Лора.

Ваня молчал. Лора с нетерпением ждала ответа.

– Я могу тебя приручить, – наконец ответил он, – но «когда даешь себя приручить, потом случается и плакать».

– Но «чтобы увидеть бабочек, можно стерпеть двух-трех гусениц».

– А ты помнишь, – оживился Ваня, – почему люди не имеют друзей?

– Нет, почему?

– Об этом говорил Лис. Чтобы приручить друга, его нужно хорошо узнать. А у людей уже нет времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах а, так как нет таких магазинов, где можно было бы приобрести друзей, люди забыли о том, что такое дружба.

Лора смотрела на сияющие глаза рассказчика и чувствовала, что ей все больше и больше хочется получить нарисованного барашка.

– А, по-твоему, что такое друг? – после небольшой паузы спросила она.

Ваня задумался. Он снова посмотрел на воду и, наконец, тихо сказал, смущенно улыбувшись:

– Я, конечно, не Экзюпери, но мне кажется, что друг это тот, кто не бывает занят, когда тебе нужна помощь.

– Ну, тогда у меня друзей нет. Или только Настя, да и то с большой натяжкой. Для меня она больше одноклассница, чем подруга. А расскажи еще о чем-нибудь из «Маленького принца», – попросила Лора.

– Маленький принц всегда добивался ответов на свои вопросы. А когда ему не у кого было спросить, он отвечал сам, причем самым удивительным образом. Помнишь, как он ответил на вопрос, почему звезды светятся?

Лора отрицательно покачала головой.

– Затем, чтобы рано или поздно каждый смог отыскать свою...

От этих слов оба почувствовали неловкость и замолчали. Прошло несколько минут. Вдруг Лора остановилась и, посмотрев прямо в глаза своему спутнику, спросила:

– А почему ты так странно рассматриваешь меня?

Ваня, не ожидавший такого вопроса, смутился, потом посмотрел на Лору тем же интригующим взглядом.

– Просто когда-то, можно сказать в другой жизни, мне очень нравилась девочка, которая, если бы она выросла, наверное, была бы очень похожей на тебя.

– Она тоже была рыжая?

– Нет, у нее были светлые волосы, но в остальном – сходство поразительное.

– А она что, умерла? – осторожно спросила Лора.

– Да.

– Поэтому ты часами мог смотреть на звезды?

– Да. Мама объяснила мне, что эта ушедшая половинка меня самого теперь – самая яркая звезда на звездном небосклоне, и что каждый вечер я смогу, глядя на небо, разговаривать с ней. Но самое главное, что я никогда в ней не разочаруюсь, так как всё, что с ней связано, уже принадлежит вечности.

– А что такое вечность? – спросила Лора.

– Я много думал над этим и понял, что по меркам вечности наша жизнь – всего лишь мгновение. Сама посуди: наше появление на свет сопровождается громким криком, а исчезновение – горьким выдохом, поэтому совокупность миллионов жизней звучит в вечности как бы музыкой. Вот только представь себе...

Ваня сделал два шага в сторону и, артистично подняв к небу протянутую руку, начал свой рассказ:

– Где-то посреди бесконечности усыпанного звёздными туманностями неба пребывает Вечность. Тихий дом Вечности. Здесь всё начинается и всё заканчивается. Здесь есть всё, и нет ничего. Здесь всё не так, как у нас. И музыка здесь тоже другая. Она вспыхивает новой звездой на небосклоне временной жизни, пронзая тишину испуганным криком сморщенного от страха младенца, и затихает в чуть слышном последнем вздохе иссякшей жизни. Крик – вздох, крик – вздох, и дымный след сгоревшей, как свеча, звезды уже беззвучно оттеняет блистательный свет звезды родившейся, напоминая ей... о смерти.

Вот она музыка Вечности. Её слышали древние, предупреждая нас через века: «Memento mori⁵». Но испорченный телефон столетий донёс до нас всего лишь: «Amore, amore, amore» под писклявые взвизгивания смычка подвыпившего скрипача.

Музыка Вечности. Ирония жизни. Звёздный дождь...

Они пошли вдоль набережной, взявшись за руки, и даже не заметили этого. Просто держась за руку, не так страшно было идти среди непостижимой музыки Вечности, которую люди по незнанию называют коротким словом «жизнь».

⁵ Memento mori (лат.) – Помни о смерти

Глава 7. Угол Надежды

Было уже далеко за полночь, но они все еще бродили вдоль набережной. Разноцветные огни большого города отражались в черной воде, зачаровывая взгляд. Возле воды было свежо, и Лора начала дрожать.

– Может, отвести тебя домой?

– Нет, давай еще погуляем... Ваня, – сказала Лора немного погодя, – вот я не верю в Бога, а вы с Настей верите. Почему?

– Во-первых, ты выросла в атеистической семье, а во-вторых, еще, по-видимому, не страдала. Страдание – кратчайший путь к Богу.

– Значит, *ты* страдал?

– Да, я еще ребенком наделал много ошибок. Хотя, по большому счету, основная масса ошибок совершается человеком именно в детские и юношеские годы. А потом они или повторяются, переходя в привычку, или приходит время расплаты за них.

– Расскажи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.